

Донецкий национальный технический университет

Инновационный Центр социально-политических и гуманитарных наук

Н. П. Рагозин

Демократия и конституция

*Проблема конституционной архитектуры
демократии*

Донецк – 2005

Издательство «Донбасс»

УДК 342.34+342

Рекомендовано к изданию Ученым Советом
Донецкого национального технического университета
Протокол №4 от 20.05.2005

Рецензенты: Рябов С.Г., д. филос. н., профессор университета
«Киево-Могилянская академия»;
Примуш Н.В., д. полит. н., профессор
Донецкого национального университета

P-59

Рагозин Н.П.

Демократия и конституция: проблема конституционной архитектуры демократии. – Донецк, изд-во «Донбасс», 2005. – 183 с.

В книге предпринимается попытка анализа проблемы согласования демократии и конституционализма, т.е. набора надлежащих институтов, которые могут обеспечить принятие демократических политических решений. Взаимосвязь демократии и конституционализма рассматривается в первых трех главах книги в проблемно-историческом аспекте, путем анализа постановки и решения этой проблемы в истории политической мысли. В четвертой главе рассматриваются некоторые проблемы демократии, а также ее конституционное оформление в рамках современного национального государства. В заключительной пятой главе обсуждаются актуальные вопросы конституционного строения и конституционной реформы в современной Украине. Книга адресована тем, кто изучает политологию, историю политических и правовых учений – преподавателям, аспирантам и студентам.

ISBN 5-7740-0808-8

© Донецкая школа прав человека

Содержание

Введение.....	3
<i>Глава 1. У истоков теории демократии:</i>	
<i>Аристотель.....</i>	17
1.1. Общая характеристика политической теории.....	17
1.2. Сущность и предпосылки государства.....	18
1.3. Форма государственного правления. «Правильные» и «неправильные» формы государства.....	26
1.4. Социальные основы государства и баланс его составных частей.....	35
1.5. Демократия как форма государственного правления.....	43
1.6. Гражданин и гражданская культура.....	52
1.7. Краткие выводы.....	64
<i>Глава 2. Теория демократии Просвещения:</i>	
<i>Монтескье.....</i>	66
2.1. Политическая теория Монтескье.....	66
2.2. Демократия как образ правления.....	68
2.3. Отличия новой демократии от демократии у древних народов.....	78
<i>Глава 3. Теория демократии Просвещения:</i>	
<i>Руссо.....</i>	97
3.1. Политическая философия Руссо: общие принципы.....	97
3.2. Концепция общественного договора Руссо.....	98
3.3. Теория политического суверенитета.....	108
3.4. Сравнительный анализ концепций прав человека и основных свобод у Руссо и Локка.....	118
3.5. Учение о правительстве и формах правления.....	123
3.6. Концепция демократии Руссо.....	131
3.7. О различии «древних» и «новых»,	

или уроки демократии, которые можно извлечь
из истории политической мысли.....136

**Глава 4. Национальное государство
и демократия.....144**

4.1. Народный суверенитет, национальное государство
и «право наций на самоопределение».....144

4.2. Федерализм и конституционная архитектура
многосоставных государств.....159

**Глава 5. Конституционные реформы
в Украине: институциональный анализ.....166**

5.1. Институциональный анализ в условиях
институциональной нестабильности.....166

5.2. Оценка украинских конституционных реформ.....175

Введение.

Вопросы, обсуждению которых посвящена данная книга, на первый взгляд кажутся принадлежащими к кругу интересов узких специалистов-политологов и правоведов. И этот взгляд верен в том смысле, что детальная их разработка требует специальных знаний и подготовки в области теории и истории демократии и конституционализма. Вместе с тем, решение этих вопросов затрагивает интересы миллионов людей, живущих в демократических государствах или же в таких государствах (как, к примеру, наша страна), которые вступили на путь демократического развития. И было бы ошибкой думать, что успешное демократическое развитие той или иной страны возможно без активного и сознательного (в смысле осуществляемого с сознанием сути дела) участия ее граждан в процессе демократического строительства. Процесс демократического строительства настолько важен для общества, что его нельзя доверить одним политикам и ученым-экспертам. Поэтому в данной книге мы старались, не упрощая тех сложных проблем, которые существуют в этой сфере, все же обсуждать их таким образом, чтобы они были понятны не только узкому кругу специалистов, но и более широкой аудитории читателей, которые еще не потеряли вкус к

вдумчивому и неторопливому чтению. Теперь попробуем очертить круг вопросов, которые будут рассмотрены в этой книге.

Современная демократия является *конституционной демократией*, т.е. политическим устройством государства, которое опирается на писаную (чаще всего) или неписаную (за редкими исключениями) конституцию. Конституцию можно определить как политико-правовой документ, в котором, по выражению французского политолога и правоведа Жан-Люка Шабо, содержится «совокупность норм, в соответствии с которыми осуществляется и передается политическая власть».¹ Ясно, что нормы конституции, отсылая нас к политической реальности функционирования власти в обществе, не вполне совпадают с ней, уже хотя бы потому, что они не могут содержать исчерпывающего описания образа действий акторов политических процессов в разнообразных обстоятельствах. Поэтому в нормах конституции неизбежно присутствует особое напряжение соотношения *сущего* (того, как есть) и *должного* (как должно быть). Нормы конституции не только описывают устанавливаемые институты и процедуры осуществления и

¹ Шабо Ж.-Л. Конституция и конституционализм: анализ понятий. /Полис, - М., 1998, №6.

передачи власти, но и определяют порядок их действий, который может изменять существующую политическую практику. Нормы конституции обладают, как отмечает Шабо, программирующей функцией, благодаря которой они могут стать фактором, реформирующим или более радикально изменяющим общество.

С другой стороны, конституция является основой стабилизации политического устройства государства, она устанавливает и защищает должный порядок, в противовес присутствующей в политической системе, как и в любой другой сложной системе, энтропии. Конституция представляет собой документ, в котором зафиксированы высшие, основополагающие законы государства, на которые должны опираться и которым не должны противоречить обычные законы, принимаемые парламентом страны.

Сверхординарность норм конституции, отличие их от норм обычного законодательства подчеркивается особым порядком принятия конституции (например, специально создаваемым конституционным собранием или утверждением ее на общенациональном референдуме), особым порядком внесения в нее изменений (для чего требуется, как правило, квалифицированное большинство голосов членов парламента, положитель-

ное заключение на проект конституционных изменений органа конституционного надзора или конституционного суда и иногда отсрочка во времени актов одобрения конституционных изменений и окончательного их принятия и вступления в силу). Все эти меры призваны исключить поспешность и необдуманность при принятии конституции и конституционных изменений, а также дать возможность убедиться участникам конституционного процесса в том, что принимаемое решение имеет самую широкую общенациональную поддержку.

По своему смыслу, принятие конституции является актом некоего учредительного *общественного договора*.² Принятие конституции конституирует (образует) государство, а точнее говоря *политию*, т.е. политически организованное общество, выражает (прямо или опосредовано) согласие членов данного общества на установление соответствующего государственного порядка, на наделение высших органов государственной власти необходимым кругом полномочий, на определение круга прав и свобод граждан, которые государство гарантирует и обязуется защищать. Акт принятия конституции превращает человека в гражданина, а народ в

нацию. Ведь конституция демократического государства является не просто компромиссом конкурирующих политических элит, в результате которого они устанавливают взаимоприемлемые правила политической игры (хотя таким по своей форме чаще всего и бывает принятие конституции), а является историческим актом, учреждающим нового члена мирового сообщества и определяющим базовые принципы существования новой политики. Если конституциям удастся определить совокупность институтов и норм их взаимодействия, достаточно релевантную структурной организации общества, потребностям его функционирования и развития, то они приобретают долговременный характер. Политические элиты приходят и уходят, а конституции остаются.

Первыми конституциями, воплощавшими такого рода общественный договор, были конституции Соединенных Штатов (1787 г.) и Франции (1789 г.).³ Сегодня

² Здесь и далее мы не рассматриваем так называемые «октроированные» конституции, дарованные обществу высшей государственной властью, которые являются принятыми самой властью самоограничениями.

³ Конституционный опыт США и Франции могут рассматриваться как примеры долговременной и недолговечной конституций. Так, если в США до сих пор действует конституция 1787 г. с 27 поправками к ней, то во Франции после 1789 г. было создано 17 конституций. Однако если иметь в виду, что действующая французская конституция V Республики, включает в себя «Декларацию прав человека и гражданина» 1789 г. как свою составную часть, то конституционный опыт Франции видимо не следует трактовать как лишенный непрерывности. Для общей характеристики «средней продолжительность жизни» конституций приведем данные из книги английских поли-

принятие конституций как высших политико-правовых документов, устанавливающих новую государственность или заново определяющих основы политического устройства ранее существовавшего государства, стали обычной практикой. Так, из 194 государств, существовавших в мире на 1999 г., 85 государств (или почти 44%) приняли новые конституции после 1989 г.⁴

Современная практика принятия конституций исходит из идеи предпочтительности применения в политике писаного права, стремления добиться того, чтобы политика была подчинена правовой норме, причем норме устойчивой, известной всем, публичного характера, обеспечивающей создание правового поля, в рамках которого должны находиться действия государственной власти.⁵

Нормы конституции оформляют базовые политические институты государства. Понятие «институт» из-

тологов Д. и Я. Дербишайров. По их подсчетам средний возраст конституций на 1999 г. составил по регионам: Азия – 15 лет (при 27 конституциях), соответственно в Центральной Америке и Карибах – 25 (21), в Центральной, Восточной и Южной Европе – 9 (25), Центральная и Южная Африка – 10 (39), Ближний Восток и Северная Африка – 23 (17), Северная Америка – 114 (2), Северная и Западная Европа – 51 (20), Океания – 33 (14), Южная Африка – 17 (12). (См.: Дербишайр Д. Денис, Дербишайр Ян. Политические системы мира: В 2 т. Том 1. – М., Рипол Классик, 2004, с. 14, табл. 5.)

⁴ Подсчитано автором по данным книги: Дербишайр Д. Денис, Дербишайр Ян. Политические системы мира: В 2 т. Том 1. – М., Рипол Классик, 2004, с. 5-7, 12, табл.1 и 4.

⁵ Шабо Ж.-Л. Цит. Соч.

вестный политолог Г. О'Донелл определяет как «систематизированные, общеизвестные, практически используемые и признанные (хотя и не всегда формально утвержденные) формы взаимодействия социальных агентов, имеющих установку на поддержание взаимодействий в соответствии с правилами и нормами, которые так или иначе закреплены в этих формах».⁶ Конституции создают такие институты, которые становятся официальными организациями: имеют физические признаки (здание, печать, иногда такой институт представлен человеком, избранным или назначенным на данный пост), процедуру деятельности, а также лиц, уполномоченных выступать от имени организации. В зависимости от формы правления (парламентская, президентская или смешанная республика), учреждаемой общественным договором и фиксируемой в конституции, современная демократия может иметь различную *институциональную архитектуру*, т.е. систему институтов, обеспечивающих функционирование и передачу власти в рамках данной политики.

Ряд политических институтов, являющихся официальными организациями, принадлежат к конституционной структуре современной демократии. К ним отно-

⁶ О'Донелл Г. Делегативная демократия. //www.russ.ru/journal

сятся парламент, правительство, президент, судебноп-
правовая система, политические партии. Эти институты
функционируют постоянно. Другие институты, такие, как
выборы, хотя они функционируют лишь периодически,
однако имеют столь же обязательный характер. Поли-
тический характер этих институтов может быть установ-
лен путем проверки их соответствия критериям полити-
ческого, принятым в современной политической науке, а
именно: «они имеют выраженную прямую связь с ос-
новными категориями политики: принятием решений,
обязательных для данной территории, каналами досту-
па к ролям, связанным с принятием решений, и к фор-
мированию интересов и субъектов, претендующих на
этот доступ».⁷

При этом важно иметь в виду, что конституцион-
ные институты современной демократии заполняют
лишь часть пространства политической сферы. Помимо
основных, официальных институтов публичного полити-
ческого пространства существуют различные альтерна-
тивные или протестные политические движения, стре-
мящиеся прорваться на официальную политическую
сцену или создающие автономные публичные сферы

⁷ О'Донелл Г. Делегативная демократия. //www.russ.ru/journal

своего действия.⁸ В данном исследовании мы ограничиваемся рассмотрением конституционных институтов современной демократии.⁹

При исследовании конституционных институтов демократии в политической науке выделяется следующая совокупность вопросов: (1) структурно-функциональная взаимосвязь основных политических институтов, отсутствие в системе конституционных политических институтов противоречий, пробелов, неопределенности, способных разрушить или разбалансировать институциональную систему; (2) качество функционирования всех этих институтов: действительно ли они являются важными очагами принятия решений в структуре влияния, власти и политики? И когда они не являются таковыми, какое влияние это оказывает на общий политический процесс? (3) способность этих институтов включать в себя новых политических акторов, расширять и модифицировать политическое пространство, реформировать политические нормы и институты.

⁸ Более подробно об этом см.: Эйзенштадт Ш.Н. Парадокс демократических режимов: хрупкость и изменчивость (II) / Ж. "Полис", 2002, № 3.

⁹ В ряде современных конституций (в том числе и в действующей Конституции Украины) содержатся нормы, предписывающие государству создание и поддержку ряда экономических, социальных и культурных институтов (рыночной экономики, системы социальной защиты и образования, охраны окружающей среды), которые принадлежат сфере гражданского общества и потому не будут нами рассматриваться.

Эти проблемы поднимаются в работах Р. Даля, Х. Линца, Г. О'Донелла, А. Пшеворского, У. Пройсса, Ш. Эйзенштадта, Я.-Э. Лейна и других ученых. В данной книге преимущественное внимание будет уделяться первым двум из перечисленных вопросов.

Момент долженствования, который присутствует в нормах конституции, обусловлен также тем, что политико-правовое оформление общества, создание новой политики, является не результатом стихийного, природно-исторического процесса, а продуктом сознательного творчества людей, в котором воплощается их представление о самих себе, о назначении и условиях их совместного существования. Принятие конституции сопряжено с формированием *национальной идентичности*, с процессом формирования нового сообщества, которое является источником политической власти, суверенным демосом, народом. Поскольку многочисленность и сложный состав населения современных государств, драматическая противоречивость и запутанность истории не позволяют уложить определение нации в простую формулу, то поэтому принятие норм конституции предполагает выработку в обществе некоего базового фонового консенсуса по поводу национальной идентичности. В создании этого консенсуса участвуют

как история и культура данной страны, так и общая логика создания современного территориального государства. Поэтому изучение демократического конституционализма связано с исследованием формирования национального государства или нации-государства как двух встречных процессов перехода от династического государства к территориальному, и от лишенных политической субъектности совокупности подданных к политическому союзу граждан, который скрепляет себя также и узами общности исторической судьбы, культуры и ценностей.

Исследование институциональной структуры демократии предполагает, что у исследователя имеется исходное определение демократии. В современной политической науке насчитывается более десятка теорий демократии и несколько сотен ее определений. Но одной из наиболее авторитетных концепций демократии является ее определение Роальдом Далем как полиархии. В своей предшествующей работе мы анализировали эту теорию,¹⁰ и в данном исследовании будем исходить из того понимания демократии, которое развивает американский политолог.

¹⁰ См.: Рагозин Н.П. Очерки современной демократии: украинские проблемы в контексте международного опыта. – Донецк, Донбасс, 2003, с. 7-60.

Для нашего исследования история и теория демократии, изучение проблемы соотношения демократии и конституции являются не самоцелью. Главная задача, на решение которой направлен анализ – исследование конституционных реформ в нашей стране. В соответствии с общим замыслом нашей работы первые главы книги посвящены истории концепции демократии, в следующей главе рассматривается формирование национального государства или нации-государства, а заключительные главы рассматривают украинские конституционные реформы и их влияние на демократический выбор нашего политического развития. Наше исследование опирается на проблемно-исторический, сравнительный и институциональный методы анализа, общепризнанные в современной политической науке.

Глава 1.

У истоков теории демократии: Аристотель.

1.1. Общая характеристика политической теории.

Понятие «демократия» как и сам политический строй, им обозначаемый, родились в Древней Греции. Поэтому необходимо обратиться к их первоисточкам, с тем, чтобы яснее представлять, что в реальности представляла собой демократия, какой была ее практика и каким образом она воспринималась и оценивалась античными мыслителями.

Классическое осмысление политической практики античного общества мы находим в трудах Аристотеля (384-322 гг. до н.э.), прежде всего в «Политике» и «Афинской политике».¹ Отличительной особенностью политических сочинений великого грека является соединение глубокого философского взгляда на природу и назначение политической жизни с вниманием к практическому ходу управления общественной жизнью, свойственному тому или иному устройству государст-

¹ Как справедливо замечает О. Хеффе, «его «Политика» является первой теорией политического в полном смысле слова». (Хеффе О. Политика, право, справедливость. Основоположения критической философии права и государства. – М., Гнозис, 1994, с. 168).

венного правления, влиянию его на благосостояние общества и положение в нем человека.

Политическая теория Аристотеля отличается трезвым реализмом. В отличие от своего великого учителя Платона, создавшего учение об идеальном государстве, Аристотеля смотрит на задачу политической теории иначе. Задача политической науки, по его мнению, заключается не только в том, чтобы исследовать наилучший вид государственного устройства, но и «относительно наилучший при соответствующих обстоятельствах», а также нужно «считаться и с третьим видом государственного устройства, основанным на известного рода предпосылках» (Политика,² кн. 4, 1,2). Иначе говоря, политическая наука должна анализировать политическую практику во всем разнообразии – не только в ее идеальном воплощении, но в реальности, беря во внимание то, что и в реальности политический строй может быть либо адекватным либо неадекватным наличным условиям человеческого общежития.

1.2. Сущность и предпосылки государства.

² Здесь и далее «Политика» цитируется по изд.: Аристотель. Политика. Афинская полития. – М., Мысль, 1997.

Для Аристотеля очевидным представляется, что «всякое государство представляет собой своего рода общение, всякое же общение организуется ради какого-либо блага», при этом государство или «общение политическое» организуется ради высшего блага, «которое является наиболее важным из всех и обнимает все остальные общения» (Политика, кн. 1, I,1) Государство, или политическое общение, является формой организации жизни человека как общественного существа.

Человек, по мнению Аристотеля, является общественным существом в большей степени, нежели пчелы и всякого рода стадные животные, поскольку человек – это единственное из живых существ, которое наделено *речью*. Если голосом наделены и другие живые существа, которые с его помощью могут выражать свои непосредственные чувства и сообщать о них другим, то речь человека способна выражать и то, что выходит за пределы круга индивидуальных чувств и потребностей, она способна выражать то, что полезно и вредно, что справедливо и несправедливо. Благодаря речи, отмечает Аристотель, «только человек способен к восприятию таких понятий, как добро и зло, справедливость и несправедливость и т.п. А совокупность всего этого и создает основу семьи и государства» (Политика,

кн. 1, I,11). Таким образом, государство является формой нравственно-политического общения человека как общественного существа.

Понятно, что общение людей осуществляется не только в рамках государства, но также и в их семейной и хозяйственной жизни. Для Аристотеля семья есть общение «естественным путем возникшее для удовлетворения повседневных потребностей», прежде всего для воспроизводства индивидуальной и родовой жизни. Но семья – не самодостаточный организм, для ее существования необходимо организовать производство материальных благ и обеспечить ее безопасность. В производстве материальных благ, как полагает Стагирит, совершенно естественно использовать рабский труд, так как существуют люди, которые являются «рабами по природе», поскольку они способны лишь исполнять своими физическими силами полученные от господина указания.

Семьи, живущие рядом и находящиеся в общении, образуют селение. Селение также еще не представляет самодостаточный общественный организм. Только общество, «состоящее из нескольких селений, есть вполне завершенное государство, достигшее, можно сказать самодовлеющего состояния и возникшее

ради потребностей жизни, но существующее ради благой жизни» (Политика, кн. 1, I,8). Хотя государство образуется лишь в рамках общественного организма, достигшего определенной сложности организации, и возникшего после появления других более простых общественных форм (семьи, хозяйства), тем не менее, лишь оно является той формой, в которой вполне раскрывается природа человека как «существа политического», т.е. способного различать добро и зло, справедливое и несправедливое, и устанавливать нормы человеческого общежития, жить по законам. Только человек, живущий в рамках политически организованного общества, является вполне человеком, т.е. существом, живущим нравственно-разумной жизнью.

Аристотель считает, что во всех людей природа вселила стремление к государственному общению. Человек, живущий государственной жизнью, суть «совершеннейшее из живых существ», и, наоборот, «человек, живущий вне закона и права, - наихудший из всех», поскольку он может использовать свои умственные и физические силы во зло. Поэтому для Аристотеля, чуждого какой-либо политкорректности, варвары и рабы, пребывающие вне рамок политического общения, – не люди.

Правда, следует отметить, что в отношении рабов взгляды Аристотеля не столь категоричны, как в отношении варваров. Он отмечает, что среди части античных мыслителей распространен взгляд, что «самая власть господина над рабом противоестественна; лишь по закону один – раб, другой свободен, по природе же никакого различия нет» (Политика, кн. 1, II,3).

Раба Стагирит рассматривает как категорию экономическую: «раб – некая одушевленная собственность». Вся собственность состоит из предметов потребления и орудий, необходимых для их производства. Все орудия разделяются на **одушевленные** (они, в свою очередь, Аристотелем подразделяются на два вида: (1) те, что наделены *речью и разумом*, - к ним относятся не только рабы, принадлежащие своему господину, но и лично свободные ремесленники; и (2) на те, что наделены *голосом* – к ним относится рабочий домашний скот), и **неодушевленные** (всевозможные орудия труда – молот, плуг, корабельный руль и даже музыкальный инструмент). Существование разумных одушевленных орудий труда диктуется самой природой производительной деятельности. Аристотель замечает: «... Если бы ткацкие челноки сами ткали, а плектры сами играли на кифаре, тогда и зодчие не нуждались бы в

работниках, а господам не нужны были бы рабы» (Политика, кн. 1, II,5). Но поскольку технология производительной деятельности требует непосредственного участия человека, как силы, которая приводит в движение неодушевленные орудия труда и управляет рабочим скотом, то такие фигуры как раб и ремесленник являются необходимой частью общественного организма.

Правда такое технико-технологическое обоснование «природности», естественности рабства является недостаточным, т.к. «одушевленным орудием», как мы видим, может быть не только раб, но и лично свободный ремесленник. Поэтому требуется объяснение необходимости превращения человека в раба – в собственность господина. Здесь Аристотель использует и философские и практически-политические соображения.

С философской точки зрения, человек является существом, в котором душа властвует над телом, а над подверженной аффектам душой властвует разум. Такое отношение разума, души и тела «естественно» для человека. Но у разных людей эти составляющие части их природы развиты в разной степени: у рабов развито тело – «мощное, пригодное для выполнения необходимых физических трудов», а у господ развит разум, необхо-

димый для руководства рабами. Поэтому, заключает Аристотель, «одни люди по природе свободны, другие – рабы, и этим последним быть рабами и полезно и справедливо» (Политика, кн. 1, I,15).

Конечно, Аристотель отдает себе отчет в том, что такого рода философские соображения не определяют реальные отношения людей обществе, и случаев, когда человек, не заслуживающий рабской доли, все же становится рабом (например, попав в плен во время войны или будучи продан в рабство) немало. Неправедливые законы или голое насилие не могут оправдать обращение в рабство тех людей, которые его не заслуживают. Но как с этим справиться Аристотель не знает, и единственное, что он может порекомендовать в этом случае – это гуманное отношение к рабам, поскольку взаимное дружеское отношение полезно и рабу и господину. Впрочем, такой «гуманизм» совершенно не чужд чисто утилитарных соображений. «Мы установили, - пишет Аристотель, - что раб полезен для повседневных потребностей. Отсюда ясно, что он должен обладать и добродетелью в слабой степени, именно такой, чтобы его своеволие и вялость не наносили ущерба исполняемым работам» (Политика, кн. 1, V,9). Таким образом, раб вынесен за пределы политической жизни,

его место – труд в домашнем хозяйстве своего господина.

Политическая жизнь в античном обществе не является особой сферой общественной жизни, обособленной от других сфер – экономической, социальной, культурно-религиозной или сферы приватной жизни человека. Античный полис в его классический период развития был на деле и осмысливался древнегреческими мыслителями как целостное единство всех указанных сфер, в котором ядром выступает собственно политическая (государственно-политическая) активность человека. Политика понимается не функционально или инструментально, но субстанционально, сущностно, как *истинное бытие человека*, а сам человек, соответственно, понимается как «политическое животное».

Размышляя над проблемой образования государства, Аристотель приходит к следующему выводу: «Итак, ясно, что государство не есть общность местожительства, оно не создается в целях предотвращения взаимных обид или ради удобства обмена. Конечно, все эти условия должны быть налицо для существования государства, но даже и при наличии их всех вместе взятых, еще не будет государства; оно появляется лишь тогда, когда образуется общение между семьями и ро-

дами ради благой жизни (eu dzēn), в целях совершенного и самодовлеющего существования» (Политика, кн. 3, V,13). Государство как политическое общение между семьями, родами и людьми возникает, выражаясь современным языком, при наличии *фонового консенсуса*, необходимого для общения. Аристотель его называет *дружбой*, «потому что именно дружба есть необходимое условие совместной жизни» (Политика, кн. 3, V,14). С современной точки зрения это сильное требование к характеру фонового консенсуса, необходимого для совместной политической жизни. Оно сформулировано для условий малого города-государства, объединяющего несколько поселений, и непригодно для многомиллионных полиэтнических и поликонфессиональных современных государств. Но и политическая жизнь современных государств требует существования некоей общности разделяемых его членами ценностей, которые прямо или косвенно отвечают на вопрос «почему мы живем вместе, а не врозь?».

1.3. Форма государственного правления. «Правильные» и «неправильные» формы государства.

Общая сущность государства как политического общения людей конкретизируется в государственном

устройстве, в *конституции* государства, понимая этот термин не в общепринятом ныне смысле «высшего закона государства», а в смысле строения государства, конструкции государственной власти.³ Аристотель государственное устройство рассматривает как порядок государственного управления, а в этом последнем в качестве главного признака выделяет то, в чьих руках находится верховная власть в государстве.⁴

С формальной, количественной стороны верховная власть в государстве «непрерывно находится в руках либо одного, либо немногих, либо большинства» (Политика, кн. 3, V, 1). Речь идет в данном случае об обладании верховной властью, а не об ее источнике. Общий источник государства и государственной власти заключается в потребности «политического животного» в политическом общении, направленном на достижение общего блага. Если форма государственного правления преследует достижение этой цели, то она, независимо

³ Хотя следует заметить, что конституция как «высший закон» государства определяет, прежде всего, государственный строй, конструкцию высших органов государственной власти, ее источники, пределы полномочий, порядок формирования и т.п.

⁴ В современной политической науке государственное устройство понимается как административно-территориальное распределение государственной власти, в соответствии с чем выделяются унитарные, федеративные и другие разновидности государственного устройства. Аристотель, опираясь на политический опыт малых городов-государств, подобные вопросы не затрагивает.

от того в чьих руках находится высшая государственная власть, с точки зрения Аристотеля легитимна, правомерна, определяется им как «правильная»; если же форма правления отклоняется от этой цели, то она – «неправильная», представляет собой деформированную политическую власть. Но и деформированная политическая власть принадлежит общему роду политического общения. Поэтому форма правления оценивается Аристотелем не только с количественной и качественной сторон, но и с позиций *сущности политической жизни*. Он пишет: «Ведь нужно признать одно из двух: либо люди, участвующие в государственном общении, не граждане, либо они все должны быть причастны к общей пользе» (Политика, кн. 3, V,1). Первая альтернатива представляет собой противоречие в определении: нельзя участвовать в государственном общении, не имея хотя бы минимума гражданских прав. Следовательно, все участвующие в государственном общении суть граждане, которые различаются степенью причастности к общей пользе, размером и характером получаемых благ, разным объемом гражданских прав.

Исходя из вышеуказанных соображений, греческий мыслитель классифицирует формы государственного правления следующим образом: «Монархическое

правление, имеющее в виду общую пользу, мы обыкновенно называем царской властью; власть немногих, но более чем одного – аристократией (или потому что правят лучшие, или потому, что имеется в виду высшее благо государства и тех, кто в него входит); а когда ради общей пользы правит большинство, тогда мы употребляем обозначение, общее для всех видов государственного устройства, - полития» (Политика, кн. 3, V,2). Таков перечень «правильных» форм государственного правления. «Неправильные» формы Аристотель определяет таким образом: «Отклонения от указанных устройств следующие: от царской власти – тирания, от аристократии – олигархия, от политии – демократия. Тирания – монархическая власть, имеющая в виду выгоды одного правителя; олигархия блюдет выгоды состоятельных граждан; демократия – выгоды неимущих; общей же пользы ни одна из них в виду не имеет» (Политика, кн. 3, V,4).

Такая классификация форм государственного правления не очень удобна, т.к. здесь один и тот же термин – «полития» - используется и как общее обозначение всех видов государственного устройства, и как

обозначение особого, «правильного» вида, который отличается от демократии как «неправильного» вида.⁵

На другой недостаток такой классификации форм правления обращает внимание сам Аристотель, который замечает, что из нее выпадают такие формально возможные виды, как власть меньшинства немущих и власть большинства имущих. Размышляя над этим вопросом, он приходит к выводу, что практически такая возможность нигде не реализуется, «так как повсеместно состоятельных бывает меньшинство, а немущих большинство». Значит, признак меньшинства и большинства – это случайный признак, который не указывает на действительную специфику демократии и олигархии. «То, чем различаются демократия и олигархия, есть бедность и богатство; вот почему там, где власть основана – безразлично, у меньшинства или большинства на богатстве, мы имеем дело с олигархи-

⁵ В другом месте «Политики» Аристотель упоминает популярную общепризнанную классификацию, которая выделяет четыре вида государственного устройства: «Эти четыре вида суть: монархия, олигархия, демократия и так называемая аристократия». При этом он замечает: «Пятый вид государственного устройства носит название, служащее обозначением государственного устройства вообще, - его называют просто политией. Этот вид встречается нечасто, поэтому его и упускают из вида те, кто ставит своей задачей перечисление отдельных видов государственного устройства; в своем перечислении, они, как и Платон, ограничиваются только четырьмя видами». (Политика, кн. 4, V,9).

ей, а где правят неимущие, там перед нами демократия» (Политика, кн. 3, V,7).

Для приведенной выше классификации форм правления Аристотель использует два признака: формальный – количество тех, в чьих руках находится власть в государстве, и содержательный – для чего используется эта власть, для блага всех, участвующих в политическом общении, или для блага самих властвующих. При этом для понимания мысли Стагирита требуется уточнить то, в чем же состоит указанное благо. Для него оно не носит вещественного характера, оно есть духовное благо. «Государственным благом является справедливость», - считает он (Политика, кн. 3, VII,1). Справедливость является центральной категорией аристотелевского понимания государства и основой его оценок различных форм государственного правления.

Что же такое справедливость? «По общему представлению справедливость есть некое равенство», - отмечает Аристотель (Политика, кн. 3, VII,1). Однако равенство чрезвычайно сложно определить, т.к. сама его природа двойственна, понимание же равенства, поскольку оно затрагивает непосредственные жизненные интересы личности, возбуждает страсти и споры, а

практическое его воплощение в общественно-политическую жизнь в силу ее многообразия и многосторонности затруднительно.

Стагирит отмечает, что равенство бывает двух видов, которые он именуется «равенство по количеству» и «равенство по достоинству». Свою мысль он поясняет следующим образом: «Под количественным равенством я разумею тождество и равенство в смысле количества или размера, под равенством по достоинству – равенство в смысле достоинства. Например, в количественном отношении три больше двух, два больше одного на одинаковое число, а в смысле соотношения – одинаково четыре больше двух, два больше одного: ведь равными частями являются два от четырех, единица – половина двух». (Политика, кн. 5, 1,7). Другими словами, «равенство по количеству» - это *абсолютное равенство*, соотношение, в котором устанавливается *тождественность сравниваемых величин*, а «равенство по достоинству» - *относительное равенство*, соотношение, в котором устанавливается *тождественность отношений сравниваемых величин*. При этом, как это видно приводимого Аристотелем примера, равенство в абсолютном отношении является неравенством в отно-

сительном, и наоборот. Равенство предполагает неравенство.

Нравственно-политическое понимание справедливости считает справедливым и абсолютное, и относительное равенство. Аристотель замечает: «Ведь все опираются на некую справедливость, но только доходят при этом до некоторой черты, и то, что они называют справедливостью, не есть собственно справедливость во всей ее совокупности. Так, например, справедливость, как кажется, есть равенство, и так оно и есть, но только не для всех, а для равных; и неравенство также представляется справедливостью, и так и есть на самом деле, но опять-таки не для всех, а лишь для неравных» (Политика, кн.3, V,8). Политическая справедливость суть единство справедливости уравнивающей (равным за равное) и справедливости распределяющей (неравным за неравное).

Прийти к согласованному мнению о справедливости в обществе чрезвычайно трудно в силу того, что понятие справедливости охватывает не только равенство, касающееся свойств объектов, но и свойств субъектов. В дискурсе справедливости речь идет не только о равенстве «чего», но и о равенстве «для кого». Стагирит отмечает, что в суждении о справедливости чаще

всего «упускают из виду вопрос «для кого?» и потому судят дурно; причиной этого является то, что судят о самих себе, в суждении же о своих собственных делах едва ли не большинство людей – плохие судьи» (Политика, кн.3, V,8).

В государстве люди могут быть одновременно в одном отношении равны (например, в отношении личной свободы) а в другом (например, в имущественном отношении) – неравны. Соответственно, одни люди будут полагать справедливым уравнивающую справедливость, а другие – распределяющую. «Правильные» формы правления представляют собой определенный баланс, единство уравнивающей и распределяющей справедливости. В отличие от них «неправильные» представляют собой нарушение этого баланса: «Так как ни равные в чем-то одном не должны быть равными во всем, ни неравные в чем-то одном – неравными во всем, то все виды государственного устройства, в которых это происходит, являются отклонениями» - утверждает Аристотель (Политика, кн. 3, VII,7).

К классификации форм правления Аристотель подходит как ученый, выделяя виды и подвиды политических организмов. Так, в монархическом виде правления он выделяет 5 разновидностей (Политика, кн. 3,

IX,1-8, X,1), в аристократическом – 3 (Политика, кн. 4, V,10-11), в демократическом – 5 (Политика, кн. 4, IV,2-3), в олигархическом – 4 ((Политика, кн. 4, V,1), а также 3 разновидности тирании (Политика, кн. 4, VIII,2).

В чем причина существования разных видов и подвидов политических организмов?

1.4. Социальные основы государства и баланс его составных частей.

Анализируя политический опыт древнегреческих городов-государств, Аристотель приходит к выводу, что многообразие форм государственного устройства объясняется в первую очередь социальной структурой общества: «Прежде всего, мы видим, что все государства состоят из семей, затем из этой массы семей одни семьи, конечно, бывают состоятельными, другие – бедными, третьи имеют средний достаток; из числа состоятельных и неимущих первые обладают оружием, вторые не обладают. Простой народ составляют в свою очередь земледельцы, торговцы, ремесленники; знатные опять-таки различаются по степени своего богатства и по размерам принадлежащей им собственности, например, держать коней человеку небогатому затруднительно» (Политика, кн. 4, III,1). Как мы видим, Аристо-

тель различает элементы социальной структуры греческого полиса по размерам богатства (богатые, бедные, люди среднего достатка), по роду деятельности (земледельцы, торговцы, ремесленники), и по производным от богатства важным военно-политическим признакам – владение оружием и конем.

К этим различительным признакам элементов социальной структуры Аристотель добавляет «отличия по происхождению, по добродетели,⁶ а также по иным подобного рода преимуществам» (Политика, кн. 4, III,2), которые определяют позиции, занимаемые человеком в обществе.

Разбирая социальную структуру полиса, Аристотель несколько раз намечает ее членение, выделяя разное количество элементов. В одном случае их пять: земледельцы, ремесленники («занимающиеся искусствами, без которых невозможно существование государства; из этих искусств одни должны существовать в силу необходимости, другие служат для роскоши и для того, чтобы украсить жизнь»), оптовые и розничные торговцы, поденщики, военные (Политика, кн. 4, III,11). Ниже, давая критическую оценку социальной структуры

полиса, которую предлагает Платон в «Государстве», Стагирит отмечает, что поскольку государство образуется не только для удовлетворения насущных потребностей, но, прежде всего, ради общего блага и справедливости, то необходимо в состав его структуры включить, помимо военных, судей, должностных лиц исполнительной и законосовещательной власти, священнослужителей (Политика, кн. 4, III,13-15).

Социальная структура полиса в изложении Аристотеля выглядит подвижной, в ней оказывается то больше, то меньше элементов. Но все же в ней можно обнаружить и некоторые константы. Так, за пределами общественно-политической жизни безусловно находятся рабы.⁷ В близком к ним положении находятся поденщики и ремесленники, т.к. этим людям в силу их занятости физическим трудом и зависимости невозможно «упражняться в добродетели» (Политика, кн. 3, III,3), хотя здесь возможны исключения для разбогатевших ремесленников. Как правило, вне политической жизни

⁶ В данном случае под добродетелью понимаются заслуги человека перед обществом и обусловленный этим его морально-политический авторитет и влияние в обществе.

⁷ Аристотель пишет: «Мы допустили бы нечто невозможное, если бы считали, что государство, по природе рабское, достойно называться государством, ведь государство есть нечто самодовлеющее, рабство же несовместимо с самодовлением» (Политика, кн. 4, III, 11). Раб как существо, лишенное свободы, не может вступать в политическое общение.

оказываются незаконорожденные дети граждан, чужеземцы-метеки, дети, рожденные от женщины-гражданки и метека, но если государство становится малонаселенным, то эти категории могут получать право на участие в политике. Итак, если принимать во внимание возможные колебания состава социальной структуры полиса, то безусловным ее элементом являются *свободнорожденные*, рабы же категорически исключены.

Другой константой социальной структуры полиса в аристотелевском понимании является имущественное деление свободнорожденных на богатых и бедных. Свободнорожденный человек может быть земледельцем, ремесленником, торговцем, моряком, воином, членом совета или судьей. Иногда он может совмещать в своем лице сразу несколько таких социально-политических ипостасей. Однако, как отмечает Аристотель, «одни и те же люди не могут быть одновременно бедными и богатыми; вот почему эти части государства, т.е. богатые и неимущие, и признаются его существенными частями» (Политика, кн. 4, III,15). Это социально-политическое деление общества является столь же взаимоисключающим, как и деление его на свободных и рабов, т.к. один и тот же человек не может быть свободным и рабом одновременно.

Разумеется, пропорции бедных и богатых в социальной структуре полиса могут меняться в достаточно широком диапазоне, что Аристотель учитывает в своем анализе форм правления. Кроме того, для него чрезвычайно важным является наличие в обществе людей среднего достатка. «Так как, по общепринятому мнению, - пишет Аристотель, - умеренность и середина – наилучшее, то очевидно, и средний достаток из всех благ наилучшее. При наличии его легче всего повиноваться доводам разума; напротив, трудно следовать этим доводам человеку сверхпрекрасному, сверхсильному, сверхзнатному, сверхбогатому или, наоборот, человеку сверхбедному, сверхслабому, сверхуниженному по своему общественному положению» (Политика, кн. 4, IX,3-4). Далее в манере нравственно-политического дискурса Аристотель отмечает, что люди первого типа становятся по преимуществу наглецами и крупными мерзавцами, а люди второго типа часто делаются злодеями и мелкими мерзавцами; первый тип людей не умеет повиноваться, а стремится лишь по-господски властвовать, а второй – не умеет властвовать, а умеет лишь по-рабски подчиняться власти. «Получается государство, - замечает Аристотель, - состоящее из рабов и господ, а не из свободных людей, государство, где одни

исполнены зависти, другие - презрения. А такого рода чувства очень далеки от чувства дружбы в политическом общении...» (Политика, кн. 4, IX,6).

Люди среднего достатка являются наилучшим балансиrom государства: «Соединившись с той или другой крайностью, они обеспечивают равновесие и препятствуют перевесу противников» (Политика, кн. 4, IX,8). С этой точки зрения средний класс выступает гарантом политической стабильности в государстве, т.к. в поляризованном обществе возникают или крайняя («распущенная») демократия, или олигархия, а из каждой из них при определенном развитии событий может возникнуть тирания. По соображениям политической стабильности Аристотель также признает, что крупные государства, где многочисленны средние граждане, и потому меньше бывает политических распрей, более предпочтительны, нежели небольшие.

Завершая анализ социальной структуры государства, Аристотель приходит к таким финальным выводам: «Теперь ясно и то, почему в большинстве случаев государственный строй бывает либо демократическим, либо олигархическим. Вследствие того, что средние занимают в государствах зачастую незначительное место, те из двух, которые их превосходят, - либо крупные

собственники, либо простой народ, - отдалившись от среднего состояния, перетягивают государственный порядок на свою сторону, так что получается либо демократия, либо олигархия. Так как, сверх того, между простым народом и состоятельными возникают распри и борьба, то, кому из них удастся одолеть противника, те и определяют государственное устройство, причем не общее и основанное на равенстве, а на чьей стороне оказалась победа, те и получают перевес в государственном строе в качестве награды за победу, и одни устанавливают демократию, другие олигархию» (Политика, кн. 4, IX,10-11). Чаши весов общественной справедливости колеблются, кренясь, то в сторону уравнивающей, то в сторону распределяющей справедливости. Общественное благо понимается по-разному обществом, в зависимости от его социальной структуры и тех элементов, которые доминируют в общественно-политической жизни.

Социальная структура полиса является предпосылкой политики, она может благоприятствовать возникновению «правильных» или «неправильных» форм правления, но для политиков она в значительной степени выступают как данность, из которой приходится исходить при выработке политического курса и выборе

формы правления. Античная политическая практика (и Аристотель ее осмысливавший) лишь в минимальной степени использовала инструменты социально-экономической политики государства, направленной на общество с целью коррекции его социальной структуры.⁸ Главным инструментом политики были попытки найти такую конструкцию государственного правления, которая была бы оптимально устойчивой с точки зрения наличной социальной структуры.

Противоречия богатства и бедности в обществе, соперничество богатых и неимущих приводят к тому, что двумя наиболее распространенными формами правления, как признает Аристотель, являются олигархия и демократия. Что же представляет собой античная демократия в понимании Аристотеля? Каковы ее досто-

⁸ Хорошо известные античному полису способы коррекции социальной структуры такие, как конфискация имущества богатых и остракизм, не одобряются Стагиритом. Он рекомендует излишки собираемых государством доходов «распределять между неимущими, особенно если есть возможность собрать столько, чтобы всякий мог приобрести в собственность небольшой участок земли, а если этого нельзя сделать – заняться торговлей или земледелием» (Политика, кн. 6 III,4). Аристотель также рекомендует состоятельным людям делать денежные взносы на устройство народных собраний, предоставлять беднякам оплачиваемую работу, способствовать их переселению в соседние города. С одобрением Аристотель указывает на некоторые законы, регулирующие земельную собственность, в частности такие, которые запрещают скупку земель и создание слишком больших земельных владений, залог земельной собственности, продажу первоначальных земельных наделов (см.: Политика, кн.6, II,5-6).

инства и недостатки, правильные и неправильные формы?

1.5. Демократия как форма государственного правления.

В определении демократии Аристотель отталкивается от ее расхожего, современного ему определения, как такого вида государственного устройства, «при котором верховная власть сосредоточена в руках народной массы» (Политика, кн. 4, III,6). Он считает необходимым уточнить, что «демократией следует считать такой строй, когда свободнорожденные и неимущие, составляя большинство, имеют верховную власть в своих руках» (Политика, кн. 4, III,8), вводя в свое определение демократии три признака: во-первых, народная масса должна состоять из лично свободных людей, обладающих гражданскими правами; во-вторых, народная масса должна составлять большинство в обществе; в-третьих, она должна состоять из неимущих.

Как внимательный аналитик Аристотель выделяет пять разновидностей демократического правления, используя для этого разные критерии.

«Характерным отличием так называемого первого вида демократии служит равенство. Равенство же,

гласит основной закон этой демократии, состоит в том, что ни неимущие, ни состоятельные не имеют каких-либо преимуществ; верховная власть не сосредоточена в руках тех или других, но те и другие равны. Если как полагают некоторые, свобода и равенство являются важнейшими признаками демократии, то это нашло бы свое осуществление главным образом в том, чтобы все непременно принимали участие в государственном управлении. А так как народ представляет в демократии большинство, постановления же большинства имеют решающее значение, то такого рода государственный строй и является демократическим» (Политика, кн. 4, IV,2).

Особенность этого вида демократии, который мы назовем *эгалитарным*, заметна при сопоставлении ее с тем, что Аристотель называет вторым видом демократии – тем, «при котором занятие должностей обусловлено, хотя бы и невысоким имущественным цензом» (Политика, кн. 4, IV,3). Если первый вид демократии не вводит (юридически, хотя фактически они существуют) имущественных ограничений политических прав граждан, то второй вид демократии их вводит.

Следующие две разновидности демократии в качестве общей черты имеют то, что в них «властвует за-

кон», отличаются они друг от друга тем, что в них по-разному устанавливается гражданство человека: третий вид демократии признает только граждан по рождению, второй допускает и другие способы получения гражданства. При этом любой гражданин без какого-либо имущественного ценза пользуется правом занимать должности.

Первые четыре разновидности демократии в качестве общей черты имеют то, что здесь решения большинства народного собрания должны быть согласны с установленными законами. И этим они отличаются от пятого вида демократии, который можно было бы назвать *популистской демагогической демократией*. Об этом виде демократии Аристотель пишет следующее: «При пятом виде демократии все остальные условия те же, но верховная власть принадлежит не закону, а простому народу. Это бывает в том случае, когда решающее значение будут иметь постановления народного собрания, а не закон. Достигается это через посредство демагогов. В тех демократических государствах, где решающее значение имеет закон, демагогам нет места, там на первом месте стоят лучшие граждане; но там где верховная власть основана не на законах, появляются демагоги. Народ становится тогда единодержавным... В

этом случае простой народ, являясь монархом, стремится и управлять по-монаршему (ибо в этом случае закон им не управляет) и становится деспотом (почему и льстецы у него в почете), и этот демократический строй больше всего напоминает ... тиранию» (Политика, кн. 4, IV,3-5).

Популистская демократия подменяет общие законы ситуативными решениями народного собрания, подогретого речами демагогов, возводящих обвинения на должностных лиц. Расшатывая правопорядок и подрывая авторитет должностных лиц, эта демократия прокладывает дорогу тирании.

Политико-правовой анализ различных видов демократического правления Аристотель дополняет социально-политическим анализом. Его интересуют не только формальные политико-правовые особенности разных видов демократических правления, но и их реальное социально-политическое наполнение. При анализе демократии под этим углом зрения он выделяет ее четыре разновидности, которые корреспондируют с вышеуказанными видами демократии, хотя несколько отличаются от них.

При социально-политическом анализе видов демократии на первый план выдвигается имущественное

положение человека. Но достаток человека интересует Аристотеля с точки зрения того, оставляет ли он ему достаточно времени для участия в управлении государством и для развития собственных знаний и способностей. Исходя из этого, первый вид демократии Аристотель характеризует следующим образом: «Когда управление государством возглавляют земледельцы и те, кто имеют средний достаток, тогда государство управляется законами. Они должны жить в труде, так как не могут оставаться праздными; вследствие этого, поставив превыше всего закон, они собираются на народные собрания лишь в случае необходимости. Остальные граждане могут принимать участие в государственном управлении лишь после приобретения установленного законом имущественного ценза: всякий кто приобрел его, имеет право участвовать в государственном управлении» (Политика, кн. 4, V,3). Дорога к государственному управлению открыта каждому гражданину, которому материальный достаток (его минимальный размер фиксируется законом) позволяет иметь необходимый досуг для участия в народных собраниях.

Второй вид демократии в дополнение к условиям обладания политическими правами, предусмотренными первым видом демократии, выдвигает в качестве усло-

вия участия в государственном управлении принадлежность к гражданам по рождению. Здесь в политической жизни активное участие принимают лишь те люди, чей материальный достаток предоставляет достаточно свободного времени для занятия политикой, и «в принадлежности которых к гражданам на основании их происхождения нет никакого сомнения».

Третий вид демократии, в отличие от второго, предоставляет политические права всем свободнорожденным и зажиточным, проживающим в данном полисе.

Четвертый вид демократии отличается от первых трех тем, что он отменяет имущественный ценз, ограничивающий участие в государственном управлении. Здесь, вследствие того, что у государства «появилось изобилие доходов, в государственном управлении принимают участие все, ..., благодаря возможности и для неимущих пользоваться досугом, получая вознаграждение» (Политика, кн. 4, V,5). Введение платы за участие в народном собрании и отправление государственных должностей снимает материальные ограничения на доступ к политике для малоимущих и неимущих. В политическом сообществе они начинают доминировать, оттесняя своих более зажиточных сограждан. В государственном управлении «верховная власть при-

надлежит массе неимущих, а не законам». (Политика, кн. 4, V,5). Такой вид демократии напоминает и тот вид демократии, который мы обозначили как *эгалитарную демократию*, тот, что мы выше назвали *популистской демагогической демократией*. Такая социально-политическая основа демократии открывает возможности ее метаморфоз и в одну, и в другую сторону.

Вот эта текучесть, зыбкость демократии видимо и не устраивает Аристотеля, который считает ее неправильной формой правления. Демократия более тяготеет к «выгодам неимущих», в сторону уравнивающей справедливости (от умеренно-эгалитарных до грубо-уравнительных ее форм) в ущерб справедливости распределяющей. В ней не достает институтов, которые позволяли бы находить баланс интересов большинства и меньшинства, неимущих и зажиточных, необразованных и образованных граждан. Поэтому Аристотель и считает, что правильной формой правления, устраняющей недостатки демократии, должна быть *полития*.

Краткое определение политии как «правильной» демократии выглядит у Аристотеля следующим образом: «полития является как бы смешением олигархии и демократии» (Политика, кн. 4, VI,2). Полития, таким образом, представляет собой некоторый смешанный спо-

соб правления, соединяющий принципы других форм правления. Каковы эти принципы и как они смешиваются в политике?

Не вдаваясь в подробный анализ способов такого смешения, поскольку это не входит в наши задачи, отметим отправные точки подхода к решению этого вопроса. Аристотель исходит из того, что в государственном строе античного полиса «три начала притязают на равную значимость – свобода, богатство, добродетель». При этом «основой аристократии является добродетель, олигархии – богатство, демократии – свобода» (Политика, кн. 4, VI,4,5). Демократия устанавливает государственный строй, отправляясь от личной *свободы* граждан, которая является основой их гражданских прав и их *равенства* как граждан. Основой государственного строя олигархии является имущественное положение граждан, *богатство*, от которого зависит их гражданский статус. Основой аристократии являются заслуги граждан перед обществом, их *добродетель*. Исходя из этого, Аристотель считает, что «политией следует называть такой государственный строй, при котором имеется смешение двух начал – состоятельных и неимущих, а смешение трех начал следует называть аристократией...» (Политика, кн. 4, V,5). Таким образом,

полития – это такой государственный строй, институты которого обеспечивают смешанное правление богатых и неимущих, соединение принципов свободы и богатства.

Каким образом демократические и олигархические государственные институты должны быть смешаны в политии? Аристотель полагает, что таких способов смешения может быть несколько. Например, если при демократии имущественный ценз не требуется либо требуется самый незначительный, а олигархия выставляет требование высокого ценза для занятия государственных должностей, то полития могла бы установить некоторый средний ценз. Или же, если в демократии должности часто замещаются по жребию и без имущественного ценза, а в олигархии – по избранию и с цензом, то полития могла практиковать избрание на должности без ценза.

Критерием удачности такого смешения институтов, образующих политию, является то, что эту форму правления можно квалифицировать и как демократию, и как олигархию (Политика, кн. 4, IX,4). В качестве реального примера такого государственного устройства Аристотель называет Спарту, в то время как примером эгалитарной демократии для него являются Афины.

Аристотель – не политический доктринер или мечтатель, выдумавший свой политический идеал, и пытающийся во что бы то ни стало навязать его действительности. Он прекрасно понимает, что у разных по своему составу и структуре обществ могут быть и разные формы государственного устройства. Кроме того, создание или изменение государственного строя должно опираться на «общее правило»: «сторонники того или иного строя в государстве должны быть сильнее его противников» (Политика, кн. 4, X,1). Успешное и стабильное функционирование политических институтов обусловлено поддержкой их гражданами, более того предполагает у граждан наличие особой гражданской культуры.

1.6. Гражданин и гражданская культура.

Политическая практика греческого полиса к тому времени, когда она стала предметом теоретической рефлексии Аристотеля, накопила достаточно свидетельств того, что самые разнообразные виды государственного устройства и законы не могут существовать сами по себе без определенного типа поведения граждан, без соответствующей гражданской культуры. Поэтому в политической науке, которую разрабатывает

Стагирит, уделяется значительное внимание этой проблематике.

Начало изложения собственной политической теории Аристотель предваряет следующим рассуждением: «Ввиду того, что государство представляет собой нечто составное, подобное всякому целому, но состоящему из многих частей, ясно, что сначала следует определить, что такое гражданин (*politēs*), ведь государство есть совокупность граждан. Итак, должно рассмотреть, кого следует называть гражданином и что такое гражданин» (Политика, кн.3, 1,2).

Анализ этого вопроса Аристотель начинает с рассмотрения различных типов политико-правовых связей между человеком и государством, которые встречаются в политической практике разных греческих государств. Многие из этих связей носят ограниченный характер: - обусловленный возрастом (например, дети, не достигшие совершеннолетия и потому не внесенные в гражданские списки, или старики освобожденные от гражданских повинностей); - полом (женщины); - происхождением (метеки); - особым характером пребывания в полисе (чужеземцы); - имущественным положением и родом занятий (неимущие, поденщики, ремесленники, торговцы). Все эти категории людей могут иметь разные

объемы гражданских прав, но все не являются гражданами в «безусловном смысле этого слова».

В безусловном смысле гражданином можно признать лишь того, «кто стоит в известном отношении к государственной жизни, кто имеет или может иметь полномочия в деле попечения о государственных делах или единолично, или вместе с другими» (Политика, кн.3, III,6). Только тот, кто участвует в политическом общении, обладает (активными или пассивными) политическими правами, только тот может быть признан гражданином в полном смысле этого слова. Очевидно, что гражданином в безусловном смысле можно быть лишь в условиях демократии или ее правильной формы – политии.

Какими качествами должен обладать гражданин как человек участвующий в политическом общении? Человека, живущего политической жизнью, Аристотель сравнивает с моряком, плывущим на корабле. Хотя у каждого из моряков есть своя специфическая задача и обусловленное ею положение на судне (один гребет, другой управляет рулем, третий руководит действиями всей команды), но у всех есть общая цель – благополучное плавание. Так и у граждан, независимо от их различий, есть общая задача – спасение «составляемо-

го ими общения, а общением этим является государственный строй» (Политика, кн.3, II,2).

Как управление кораблем, так и управление государством требует власти, отношений господства и подчинения, обеспечивающих координацию и субординацию действий, подчинение их единой цели. Однако Аристотель отличает эту политическую власть от власти господина над рабом, отца над детьми, мужа над женой. Во всех последних случаях власть имеет место над зависимыми людьми, социальный статус подвластных и властвующего не равны. Особенность политической власти в том, что здесь «человек властвует над людьми себе подобными и свободными» (Политика, кн.3, II,9). Поэтому гражданин должен быть готов и властвовать, и подчиняться, или, как выражается Аристотель, «добродетель гражданина» «заключается в способности прекрасно и властвовать, и подчиняться» (Политика, кн.3, II,7).

Возможность пребывания свободного гражданина в различных позициях – властвующего и подвластного – приводит к тому, что гражданская добродетель оказывается состоящей из трех частей: из добродетели правителя, добродетели подчиненного и общего достоинства правителя и подчиненного. Добродетель прави-

теля заключается в «рассудительности», способности принимать правильные, справедливые решения, а добродетель подчиненного заключается в способности «правильного суждения», способности рационально воспринимать решения правителя (Политика, кн.3, II,11). Общая же добродетель правителя и подчиненного состоит в том, чтобы принимать и поддерживать решения и законы, которые имеют в виду «выгоду для всего государства и общее благо граждан» (Политика, кн.3, VII,13).

Общая характеристика гражданина и свойственных ему качеств (гражданских добродетелей) у Аристотеля дополняется типологией различных видов гражданина, существование которых он связывает с наличием разных видов государственного устройства: «А именно, поскольку существует несколько видов государственного устройства, должно существовать и несколько разновидностей гражданина, преимущественно подчиненного гражданина, и таким образом, при одном виде государственного устройства необходимо считать гражданами ремесленников и поденщиков, при другом это невозможно, например при так называемой аристократии, где почетные должности даются только в зависимости от добродетели по достоинству; ведь невозможно челове-

ку, ведущему жизнь ремесленника или поденщика, упражняться в добродетели» (Политика, кн.3, III,3). Впрочем, детальной разработки типология граждан и гражданской культуры у Аристотеля не получила, оставшись в наметках.

Важно то, что, рассматривая гражданскую культуру как предпосылку успешного функционирования государственных институтов, Аристотель исходит из того, что ее формирование является результатом воспитания: «Никакой пользы не принесут самые полезные законы, единогласно одобренные всеми причастными к управлению государством, если граждане не будут приучены к государственному порядку и в духе его воспитаны, а именно если законы государства демократические – в духе демократии, если олигархические – в духе олигархии; ведь если недисциплинирован один, недисциплинированно и все государство» (Политика, кн.5, VII, 20).

Концепцию гражданского воспитания Аристотель, как и учение о типах граждан, также не завершил, ее начала содержатся в 7 и 8 книгах «Политики». Но и в незавершенном виде она содержит целый ряд важных положений. Аристотель исходит из того, дело гражданского воспитания является общегосударственным де-

лом: «А так как государство в его целом имеет в виду одну конечную цель, то, ясно, что для всех нужно единое и одинаковое воспитание, и забота об этом воспитании должна быть общим, а не частным делом, как теперь, когда всякий печется о своих детях частным образом и учит частным путем тому, что ему вздумается» (Политика, кн. 8, I,2). В этом смысле Аристотель категорически против софистов как частных учителей мудрости, ориентирующихся в своей деятельности на популярность у толпы поклонников и коммерческий успех. Аристотель убежден, что «должны существовать законы, касающиеся воспитания, и последнее должно быть общим» (Политика, кн. 8, I,3).

Воспитание как процесс формирования человека имеет дело, по мнению Аристотеля, с тремя факторами, которые делают людей хорошими и добродетельными: природой, привычками и разумом (Политика, кн. 7, XII,6). Сами по себе хорошие природные данные еще не гарантируют формирования добродетельного человека.⁹ То же касается и привычек, поскольку под влия-

⁹ Между прочим, Аристотель одобряет существовавшую в греческих полисах практику «отбраковывания» детей, родившихся с теми или иными недостатками: «Относительно выращивания новорожденных детей и отказа от их выращивания пусть будет закон: ни одного калеку выращивать не следует» (Политика, кн.7, XIV, 10).

нием привычек природные данные человека могут развиваться и в лучшую, и в худшую сторону. Только разум способен направить развитие человека к благой цели. Желательно, чтобы у человека в процессе воспитания указанные факторы находились в гармонии.

В деле воспитания, по мнению Аристотеля, «развитие навыков должно предшествовать развитию ума и ... физическое воспитание должно предшествовать умственному» (Политика, кн. 8, III,2). Воспитание должно соотносываться с уровнем развития физических и умственных сил человека, оно не должно быть односторонним, развивающим одни способности в ущерб другим. Но самое главное, чтобы воспитание преследовало правильную цель.

Характеризуя споры о задачах воспитания, которые шли среди его современников, Аристотель пишет: «В настоящее время существует разногласие по поводу практики воспитания: не все согласны в том, чему должны учиться молодые люди и в целях развития добродетели, и ради достижения наилучшей жизни; не выяснена также и цель воспитания – развитие ли умственных способностей или нравственных качеств. Из-за характера обычного воспитания и обсуждение воспитания является беспорядочным, и остается совершенно

невыясненным, нужно ли упражняться в том, что пригодно в практической жизни, или в том, что направлено к добродетели, или, наконец, в том, что относится к отвлеченному знанию» (Политика, кн. 8,1,3-4).

Аристотель различает три образа жизни, связанные с тремя основными видами деятельности: трудом, общением и познанием.¹⁰ В труде ремесленника человек превращается в орудие производства, он подчиняется производственному процессу, цель его деятельности заключается в производстве утилитарных вещей, ремесленные искусства «исполняются за плату: они лишают людей необходимого досуга и принижают их» (Политика, кн. 8,11,1). Поэтому ремесленное обучение «делают тело и душу свободнорожденных людей непригодными для применения добродетели и для связанной с нею деятельности» (там же).

Изучение отвлеченного знания, занятия теорией предполагают ведение «созерцательного» образа жизни, несовместимого с хлопотливой политической жизнью. Поэтому оно также не должно быть включено в обязательное общественное воспитание и образова-

¹⁰ Более подробный историко-философский анализ см.: Арент Х. *Vita activa*, или о деятельной жизни. – Спб., Алетейя, 2000, с.20-25.

ние, оставаясь делом узкого круга людей, готового посвятить себя этого рода занятиям.¹¹

Гражданское воспитание должно научить человека искусству общения, которое, как мы видели выше, и составляет по Аристотелю суть политики. При этом, это должно быть дельное общение, способствующее хорошему управлению жизнью полиса, общение, направленное к благой цели, т.е. к установлению и поддержанию в совместной жизни людей справедливости.

Гражданское воспитание особенно необходимо в условиях демократии, поскольку оно должно подготовить человека к активной политической жизни. Для правильного определения задач гражданского воспитания важно установить иерархию целей политической жизни. Аристотель убежден, что она должна выглядеть следующим образом: «война существует ради мира, занятия – ради досуга, необходимое и полезное ради прекрасного» (Политика, кн. 7, XIII, 8). Спартанскую милитаризованную систему гражданского воспитания Аристотель не одобряет, считая ее однобокой. Военное обучение необходимо для того, чтобы граждане защи-

¹¹ О понимании соотношения теоретического и политического образа жизни человека у Аристотеля см.: Хеффе О. Политика, право, справедливость. Основоположения критической философии права и государства. – М., Гнозис, 1994, с.183-184.

тили в случае нужды свое государство. Если же воинственный дух, стремление к завоеванию и господству, начинает пронизывать всю политическую жизнь, тогда и внутри страны она начинает далеко отклоняться от справедливости, тяготеть к насилию.

В мирное время требуется «воздержность и справедливость» для того, чтобы граждане, пользуясь досугом, не «избаловались», не погрязли в роскоши и наслаждениях. Гражданам, когда они пользуются досугом среди изобилия, нужно сохранить свое достоинство и добродетель, что сделать в такой благополучной обстановке иной раз бывает сложнее, чем в условиях опасностей военного времени.

Гражданское воспитание понимается Аристотелем как воспитание нравственно-политическое, укрепляющее единство полиса. Он полагает, что «законодатель должен стремиться внедрить в души людей убеждение, что высшее благо и в общественной и в частной жизни – одно и то же» (Политика, кн. 7, XIII,13). Это убеждение в тождественности высшего блага общественной и частной жизни, основано на том, что, по Аристотелю, в условиях демократической «власти над свободными» «добродетель гражданина и правителя тож-

дественны с добродетелью наилучшего человека» (Политика, кн. 7, XIII,5).¹²

Гражданское воспитание и гражданская культура являются необходимым условием функционирования институтов полиса, в особенности, если речь идет о демократии (или политике). Аристотель оставил нам очерк концепции общегражданского воспитания, предназначенного для политического сообщества свободных и обладающих активными гражданскими правами людей. Можно утверждать, что с Аристотеля начинается традиция рационально-критического исследования нравственно-политических предпосылок функционирования политических институтов, того фонового консенсуса, лежащего в основе политического строя, которая существует до настоящего времени.¹³

¹² П. Козловски, касаясь этого вопроса, ссылается на другие фрагменты «Политики» и утверждает: «В конечном счете благо и политическое благо не идентичны» (Козловски П. Общество и государство: неизбежный дуализм. – М., Республика, 1998, с. 47). Думается, что «конечный счет» в данном случае неуместен. У Аристотеля нет абсолютно совершенной формы правления, которая могла бы служить окончательным мерилom правильной организации политической жизни. Поэтому, применительно к одним формам правления Аристотель признает расхождение личного и политического блага, а применительно к умеренной демократии или политике, он допускает их (относительно полное) совпадение у гражданина способного прекрасно «и властвовать, и подчиняться».

¹³ А Платона с его концепцией идеального государства можно считать основоположником утопического конструирования родо-видовых характеристик природы человека, релевантных структуре и функциям такого государства.

1.7. Краткие выводы.

Политическое учение Аристотеля и содержащийся в нем анализ демократии, безусловно, могут рассматриваться как отправная точка в истории учений о демократии. Аристотелевское учение в систематизированном виде представило в контексте общей политической теории основные темы анализа демократии. У Аристотеля мы находим главные понятия, которыми оперирует политический дискурс до наших дней.

Аристотель является основоположником сравнительно-политического исследования демократии, которое позволяет понять особенности этой формы правления на фоне других способов управления политической жизнью общества.

Аристотель предложил программу комплексного, философско-социологического, социально-экономического и политико-правового исследования политики и в ее рамках дал очерк системной теории демократии.

Демократия предстает в аристотелевском анализе во всей своей противоречивости: как напряженное противоборство свободы и рабства, богатства и бедности, равенства и неравенства, благородного служения граждан общественному благу и низкого преследования толпой своекорыстных интересов, законности и безза-

кония, активного участия граждан в управлении государством и политической нестабильности. Поиск путей преодоление этих противоречий демократии, тех норм и политических институтов, которые позволят сохранить позитивные стороны демократии и отсеять или нейтрализовать ее негативные стороны становится лейтмотивом последующего развития теории демократии.

Глава 2.

Теория демократии Просвещения: Монтескье.

2.1. Политическая теория Монтескье.

Фундаментальную разработку политическая философия Просвещения получила в трудах Ш. Л. Монтескье (1689-1755), в особенности в его сочинении «О духе законов» (1748).¹ Здесь целый ряд тем политической философии, которые первым начал разрабатывать Аристотель, получили развитие применительно к реалиям Нового времени. Монтескье, как и Аристотель, свои концептуальные построения стремится максимально опереть на политический опыт, при этом беря во внимание не только европейский ареал, но и политический опыт стран, ставших известными европейцам благодаря эпохе географических открытий. В то время как для Аристотеля политическая практика греческих полисов имела характер раскрытия истинно политического существования, а негреческая политическая практика, хоть и упоминалась (напр., государственный строй Персии), но имела скорее значение примера квазиполи-

¹ Общую характеристику политической философии Монтескье см. "Монтескье" в кн. *Енциклопедія політичної думки. /Пер. з англ. – К.: Дух і Літера, 2000, с. 248-251.*

тики, взгляды Монтескье свободны от такого этноцентризма. Он стремится создать универсальную политическую теорию, в которой особенности политического строя и практики отдельных стран и народов выводятся из своеобразного сочетания действия универсальных факторов, обуславливающих политику. Дух законов политики и права должен, по Монтескье, «соответствовать физическим свойствам страны, ее климату – холодному, жаркому или умеренному, - качествам почвы, ее положению, размерам, образу жизни ее народов – земледельцев, охотников или пастухов, - степени свободы, допускаемой устройством государства, религии населения, его склонностям, богатству, численности, торговле, нравам и обычаям; наконец, они связаны между собой и обусловлены обстоятельствами своего возникновения, целями законодателя, порядком вещей, на котором они утверждаются».² Предлагаемая таким подходом программа разработки политической науки включает создание целого комплекса дисциплин, который наряду с собственно политико-правовыми науками (например, сравнительная политология, теория международных отношений, теория гражданского и уголовного права), также и такие дисциплины, которые сейчас существуют

² Монтескье Ш. Л. О духе законов. – М., Мысль, 1999, с. 16.

самостоятельно – политическую экономию, демографию, сравнительное религиоведение, культурную антропологию, этику, наброскам которых Монтескье посвящает целые главы и книги своего сочинения.³

В нашу задачу не входит анализ и оценка всего проекта политической науки, который предложен Монтескье. Нас будет интересовать лишь его понимание демократии, которое унаследовало традиции античной политической мысли и развивает их применительно к новым историческим условиям и исходя из новых теоретических предпосылок.

2.2. Демократия как образ правления.

Монтескье, как и Аристотель, в политике видит прежде всего форму политической (государственной) организации общества, для обозначения которой он использует понятие «образ правления». Он выделяет три образа правления – республиканский, монархический и деспотический. Эти три образа правления определяются им следующим образом: «республиканское правле-

³ См., например, кн.20-22, где излагается учение о торговле и деньгах, кн. 23, где рассматриваются проблемы динамики народонаселения, кн. 24-25, в которых дается сравнительный анализ религий разных народов и их влиянии на политический и социальный строй, кн. 16 и 18, где развиваются темы, являющиеся предметом исследования в культурной антропологии, кн. 19, в

ние – это то, при котором верховная власть находится либо в руках всего народа, или части его; монархическое – при котором управляет один человек, но посредством установленных неизменных законов; между тем как в деспотическом все вне всяких законов и правил движется волей и произволом одного лица».⁴

В этой классификации образов правления обращает на себя внимание то, что в их определении, в отличие от Аристотеля, не используется понятие *общего блага* как критерий различения правильных и неправильных форм правления. Монтескье лишь указывает формальный источник высшей власти в государстве, и то опосредована или нет воля властвующих законом. Это связано с тем, что у французского мыслителя отсутствует такой общий знаменатель различных форм правления, как *общее благо*. Для каждой из форм правления он выделяет свой основной принцип, от соблюдения или несоблюдения которого зависит то, является ли эта форма правления «правильной» или искаженной.⁵ Для демократической республики таким

которой предпринимается сравнительно-историческое исследование нравственных установлений разных народов.

⁴ Монтескье Ш. Л. О духе законов. – М., Мысль, 1999, с. 17.

⁵ Однако такое «искажение» формы правления не обязательно означает, что она становится хуже для гражданина такого государства. Так, в умеренной

принципом является политическая добродетель,⁶ для аристократической республики – «умеренность, основанная на добродетели»,⁷ для монархии – честь,⁸ для деспотии – страх.⁹

В отличие от Аристотеля, Монтескье не видит общего блага, которое бы объединяло людей в разных формах правления, поскольку оно реализует *политическую справедливость*. Принципы разных форм правления легитимируют высшую *принудительную власть*, которой обладает государство. Государство лишь в одной из своих форм (республике) озабочено реализацией политической справедливости, т.е. некоторого сложного вида равенства граждан.

Республиканское правление подразделяется на демократическое и аристократическое, в зависимости от того находится ли источник власти в руках всего народа или его части. Демократия у Монтескье определяется как вид республики, в чем сказывается влияние древнеримской политической мысли.¹⁰ При этом в от-

деспотии произвол государя может ограничиваться предписаниями религии, а в умеренной монархии - требованиями чести (см.: там же, с. 34).

⁶ Монтескье Ш. Л. О духе законов. – М., Мысль, 1999, с. 27.

⁷ Там же, с. 29.

⁸ Там же, с. 31.

⁹ Там же, с. 32.

¹⁰ У Цицерона мы читаем: «Итак, государство есть достояние народа, а народ не любое соединение людей, собранных вместе каким бы то ни было

личие от Аристотеля, Монтескье рассматривает лишь такую форму демократии, в которой власть народа опосредована законом. Он полагает, что одним из «основных законов» демократии является тот, согласно которому «власть издавать законы должна принадлежать только народу».¹¹

К числу других основных законов демократии Монтескье относит законы, определяющие право голосования, т.е. законы определяющие «как, кем, пред кем и о чем будут производиться голосования»¹², и право народа самому избирать своих уполномоченных, т.е. должностных лиц государства.¹³

Основные законы демократии конституируют ее как особую форму правления. Принадлежащая народу власть издавать законы конституирует его как суверена, государя: «Государем он является только в силу голо-

образом, а соединение многих людей, связанных между собою согласием в вопросах права и общностью интересов» (Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. – М., Наука, 1994, с.20). В этом определении представлен классический римский взгляд на государство (*res publica*) как общее достояние, имущество, находящееся во всенародном пользовании, при этом сам народ (*populus*) понимается как юридическое лицо, множество людей, объединенных общими интересами и согласием в вопросах права. Такое сухое юридическое определение государства лишено обаяния аристотелевского понимания государства как политического общения людей, основанного на дружбе и направленного к общему благу, но зато имеет более абстрактный и потому универсальный характер.

¹¹ Монтескье Ш. Л. О духе законов. – М., Мысль, 1999, с. 21.

¹² Монтескье Ш. Л. О духе законов. – М., Мысль, 1999, с. 17.

¹³ Монтескье Ш. Л. О духе законов. – М., Мысль, 1999, с. 18.

сований, коими он изъявляет свою волю. Воля государя есть сам государь». ¹⁴ Поскольку в демократии в качестве государя выступает не индивидуальный, а коллективный субъект, то для нее чрезвычайно существенно то, как определяется «число граждан, из коих состоит народное собрание, ибо без этого во многих случаях было бы неизвестно, высказался ли весь народ в целом или только часть его». ¹⁵ Волеизъявление народа должно быть полным для того, чтобы установленные законы были поистине демократическими.

При этом Монтескье полагает, что голосование в народном собрании должно быть «открытым», поскольку при тайном голосовании в народном собрании у руководителей отсутствует возможность «вразумлять» простой народ по поводу содержания принимаемых решений, а у известных лиц сдерживать его своим авторитетом. Монтескье одобряет практику Афин и Рима, когда принятие решений осуществлялось постановлениями избранного народом сената, и эти постановления носили в течение года характер пробного закона, который превращался в постоянный закон по воле народа. ¹⁶

¹⁴ Монтескье Ш. Л. О духе законов. – М., Мысль, 1999, с. 17.

¹⁵ Цит. соч., с.18.

¹⁶ Цит. Соч., с. 21.

Исполнительная власть в демократии должна также формироваться народом. Полемизируя с распространенными сомнениями по поводу способности народа избирать своих руководителей, Монтескье утверждает: «Народ в высшей степени удачно избирает тех, кому он должен поручить часть своей власти».¹⁷ В подтверждение своей точки зрения он не только ссылается на целый ряд удачных выборов государственных деятелей у афинян и римлян, но и аргументирует свое мнение тем соображением, что народ руководствуется знанием о реальных достоинствах избираемых им лиц, которые ему на площадях известны лучше, чем монархам в их дворцах.

Монтескье также одобряет законы Солона, который в Афинах урегулировал способы избрания должностных лиц, допустив избрание по жребию на государственные должности, не требующие особых знаний и навыков, и выборы на те должности, которые не каждый гражданин в состоянии исполнять. Как и Солон, Монтескье считает правильным введение избирательных цензов, ограничивающих не активное, а пассивное избирательное право. Ограничение права быть избранными на определенные должности кругом лиц, обла-

¹⁷ Цит. Соч., с.18.

дающим бóльшим имуществом и образованием, чем их сограждане, повышает качество должностных лиц демократической республики. Но такое разделение граждан демократической республики на классы не должно проводиться исходя из аристократического принципа, как его реализовал, например, Сервий Туллий. В этом случае, как отмечает Монтескье, право голоса оказывается принадлежащим «не столько лицам, сколько влиянию и богатству», что деформирует принципы демократического представительства. Вообще, аристократическая республика рассматривается французским мыслителем как форма правления, которая хуже демократической республики. «Аристократия будет тем лучше, - считает Монтескье, - чем она более приближается к демократии и тем хуже, чем она более приближается к монархии».¹⁸

К числу безусловных достоинств демократии Монтескье относит *политическую добродетель*, пропитывавшую народный дух, делавшую его способным на великие дела, «которых мы теперь уже не видим и которые поражают наши мелкие души».¹⁹

¹⁸ Цит. Соч., с. 23.

¹⁹ Цит. Соч., с.39.

Политическая добродетель по настоящему может существовать только в демократиях, поскольку лишь там управление государством вверяется каждому гражданину. Только в этих условиях рождается «любовь гражданина к законам и к отечеству», любовь, «требующая постоянного предпочтения общественного блага личному».²⁰ Демократия является истинной родиной патриотизма, самоотверженного служения отечеству, поскольку здесь государство оказывается не просто политической машиной для управления обществом, а родным домом гражданина.

Чувство патриотической любви имеет свою внутреннюю логику. Монтескье представляет ее следующим образом: «Любовь к республике в демократии есть любовь к демократии, а любовь к демократии есть любовь к равенству».²¹ Т.е. республику любят потому, что она демократическая, а демократию – потому, что она обеспечивает равенство граждан.

Равенство граждан, полагает Монтескье, «возможно только при общей умеренности», которая может обеспечить возможность всем «пользоваться одинаковым благополучием и выгодами». Умеренность в демо-

²⁰ Там же.

²¹ Цит. Соч., с.45.

кратии ограничивает стремление приобретать «желанием иметь необходимое для семьи, а излишек – для отечества». Личное богатство возвышает гражданина над своими не столь состоятельными согражданами, нарушает равенство граждан. Избыток богатства следует направлять не на личное потребление, а на общественные цели. «Поэтому благоустроенные демократии, отмечает Монтескье, - утвердив умеренность в области домашней жизни, открыли двери для роскоши в области жизни общественной, как это было в Афинах, и в Риме».²²

Монтескье с одобрением указывает на законодательные меры (равный раздел земли, запрет на получение более одного наследства, регулирование порядка дарения и завещания и т.п.), ограничивавшие размеры личных богатств в древних демократиях. Но при этом он полагает, что чрезмерно прямолинейное законодательное установление имущественного равенства способно внести раскол в общество. Вполне достаточным, на его взгляд, является установление ценза, определяющего и ограничивающего имущественные различия граждан, а «после этого специальные законы должны

²² Цит. Соч., с. 45.

будут, так сказать, уравнивать неравенства посредством налогов на богатых и льгот бедным».²³

Равенство в демократии требует самоограничения в материальных потребностях, но оставляет простор для честолюбивого стремления «послужить отечеству более важными деяниями, чем прочие граждане».²⁴ Высокий моральный дух любви к отчизне и служения ей следует поддерживать воспитательными мерами. Без поддержания высокой общественной нравственности, сохранения традиций демократическая республика не может продержаться.

Несмотря на симпатию, с которой французский мыслитель описывает демократию у греков и римлян, он не может не видеть, что этот образ правления остался в прошлом, он для своего существования требует целого ряда условий, которых уже нет в современном мире. Возможно ли существование демократической республики в современном мире, в эпоху мировых религий и мировой торговли, в эпоху крупных государств, конкурирующих между собой за рынки для своей промышленности?

²³ Цит. Соч., с. 48

²⁴ Цит. Соч., с. 45.

2.3. Отличия новой демократии от демократии у древних народов.

Попытаемся суммировать то, в чем Монтескье усматривает ограниченность античной демократии для того, чтобы затем очертить контуры его понимания черт новой демократии. Предпосылками античной демократии являются:²⁵ - имущественное равенство граждан или даже общность имущества, как предлагал Платон; - религиозное благочестие; - отчуждение от иностранцев для защиты отеческих нравов; - ведение торговли государством, а не отдельными гражданами; - запрет на употребление денег, стимулирующих погоню за богатством; - небольшие размеры государства, в котором весь народ можно воспитывать как одно семейство; - постоянные упражнения в гражданской доблести при отказе от занятий производительным трудом – земледелием, ремеслами торговлей; - использование рабского труда.

Практически все такого рода предпосылки отсутствуют в современном Монтескье мире. Ко многим из них он относится негативно. В частности, это касается рабского труда. Монтескье замечает: «Аристотель хочет доказать, что есть рабы от природы, но то, что он

говорит, совершенно неубедительно».²⁶ Сам Монтескье различает *гражданское рабство*, т.е. «установление права, дающего такую власть одному человеку над другим, что первый становится безусловным господином над имуществом и жизнью последнего»,²⁷ *политическое рабство*, т.е. полное бесправие человека в деспотическом государстве, и *домашнее рабство*, под которым понимается рабское положение женщины в семье на Востоке. Гражданское рабство может быть терпимо в деспотическом государстве, где существует поголовное политическое рабство. При монархическом, а тем более аристократическом и демократическом правлении гражданское рабство не отвечает природе их политических принципов.²⁸

Гражданское рабство противоречит естественному праву. С точки зрения естественного права, «все люди рождаются равными», поэтому, считает Монтескье, «следует сказать, что рабство противно природе, хотя в некоторых странах оно имеет естественные причины...».²⁹ К числу естественных причин рабства относится тяжесть некоторых видов труда, которые можно

²⁵ Цит. Соч. с. 41, 42, 43, 111.

²⁶ Цит. Соч. с. 214.

²⁷ Цит. Соч. с. 209

²⁸ Цит. Соч. с. 210.

возложить только на рабов. Но Монтескье, веря (в отличие от Аристотеля) в прогресс науки и техники, считает: «Нет такого тяжелого труда, который нельзя было бы привести в соответствие с силами тех, кто его выполняет, если только этим трудом управляет разум человека, а не его жадность. Машины, которые изобретает и применяет искусство человека, могут заменить усиленный труд, выполняемый в других местах рабами».³⁰

Естественные причины рабства имеют исторически преходящий характер, они вполне могут быть преодолены. И главное в преодолении рабства – искоренение его социальных и морально-политических причин. Жадность, алчное стремление к богатству, рожденные социальным неравенством, подталкивают людей к рассуждениям о пользе рабства. Безусловно, что для тех, кто наживается или мечтает нажиться на эксплуатации рабского труда, он представляется «полезным». Но Монтескье полагает, что ряды сторонников рабства сразу рассеются, если им предложить решать вопрос о том, кто будет свободным, а кто - рабом с помощью жребия.

²⁹ Цит. Соч. с. 214.

³⁰ Цит. Соч. с. 214-215.

Позицию естественного права, отрицающего правомерность рабства, поддерживает и христианство. В современной Европе гражданское рабство отменено христианством.³¹ Это, впрочем, не помешало христианским народам Европы обратить в рабство народы Америки и Африки. Здесь в установлении рабства решающую роль сыграли расовые предрассудки и ксенофобия,³² а также религиозный фанатизм. Религиозный фанатик полагает, что «религия дает тем, кто ее исповедует, право обращать в рабство тех, кто ее не исповедует, для того, чтобы ее легче было распространять».³³ Именно этими соображениями руководствовались «разрушители Америки», которых Монтескье называет «разбойниками», желавшими «быть одновременно и разбойниками и христианами».³⁴

Античная демократия полагала, что занятия производительным трудом мало совместимы с достоинством свободного гражданина.³⁵ Особенно подозри-

³¹ Цит. Соч. с. 214

³² Ссылаясь на испанских колонизаторов, описывавших чуждые им обычаи американских народов, которых они обратили в рабство, Монтескье замечает: «...я мог бы сказать, что право рабства проистекает из презрения, которое один народ питает к другому вследствие разницы в их обычаях» (Цит. Соч. с. 211).

³³ Цит. Соч. с. 212

³⁴ Там же.

³⁵ Монтескье специально отмечает этот момент: «Они не хотели, чтобы граждане занимались торговлей, земледелием, ремеслами, но не хотели также,

тельно, как это мы видели у Аристотеля, относясь при этом к торговле. Но Монтескье, в соответствии с духом своего времени, совершенно по-другому оценивает торговлю.

Во-первых, современная торговля, в отличие от торговли у древних народов, является по истине всемирной. В нее вовлечено то, что Монтескье называет «всемирным имуществом» или «движимости общемирового значения» - деньги, банковые билеты, векселя, акции компаний, корабли и всякие товары.³⁶ Они по сути принадлежат всему миру и весь мир составляет по отношению к ним одно государство. Народ, который занимает господствующее положение на мировом рынке, становится самым богатым народом. На эту позицию, по наблюдению Монтескье, в современной ему Европе выходит Англия. Во-вторых, если у древних народов международная торговля была сосредоточена главным образом в бассейне Средиземноморья и в нее были вовлечены приблизительно одинаковые товары, то ныне торговля стала общемировой и ведется между севером

чтобы они проводили время в праздности. Граждане не имели никаких других занятий, кроме гимнастических и военных упражнений». (Цит. Соч. с. 43)

³⁶ Цит. Соч. с. 298

и югом, товары которых значительно различаются и потому дополняют друг друга.³⁷

Что же касается той темы, которая волновала Аристотеля и других античных мыслителей – влияния торговли на политический строй и нравы государства, то Монтескье видит ее в ином ракурсе. С его точки зрения, влияние торговли на нравы и политический строй амбивалентно – «законы торговли совершенствуют нравы по той же причине, по которой они их и губят».³⁸

Международная торговля избавляет людей от предрассудков, смягчает нравы, склоняет людей к миру, способствуют росту общественного богатства, соединяет разные континенты и народы. С другой стороны, Монтескье отмечает: «Но дух торговли, соединяя народы, не соединяет частных лиц. Мы видим, что в странах, где людей воодушевляет только дух торговли, все их дела и даже моральные добродетели становятся предметом торга».³⁹ Но такое разлагающее нравственность действие торговля имеет не всегда и не во всех своих разновидностях.

Если эта торговля ведется не предметами роскоши, а предметами необходимости («экономичная тор-

³⁷ Цит. Соч. с. 296.

³⁸ Цит. Соч. с. 281.

говля»), то она удовлетворяет действительные потребности людей, дает им работу и не приносит слишком больших прибылей. Поэтому «экономичная торговля» вполне совместима с республиканским духом, и именно такого рода торговлю по наблюдению Монтескье вели республики Тира, Карфагена, Афин, Марсея, Флоренции, Венеции и Голландии.⁴⁰

В республиках торговля находит более благоприятные условия для развития, т.к. здесь частная собственность более защищена, чем в монархиях и деспотиях. Благодаря этому обстоятельству возможно возникновение крупных торговых предприятий, больших экономических планов и проектов, требующих мужества, настойчивости и инициативы. И с этой точки зрения, торговля не ослабляет моральный дух и политические основы республики. Наблюдая политическое и экономическое возвышение Англии, Монтескье отмечает: «Другие нации жертвуют торговыми интересами ради политических интересов. Англия же всегда жертвовала политическими интересами ради интересов своей торговли. Этот народ лучше всех народов мира сумел вос-

³⁹ Цит. Соч. с. 282.

⁴⁰ См.: цит. Соч., с. 283.

пользоваться тремя элементами, имеющими великое значение: религией, торговлей и свободой».⁴¹

Англия, которую Монтескье внимательно изучал во время своей продолжительной поездки в эту страну, представляется ему примером современной демократической республики. Какие черты новой демократии, отличной от демократии древней, выделяет Монтескье?

Демократическая республика должна гарантировать политические свободы граждан. Но такие гарантии могут существовать только при разделении законодательной, исполнительной и судебной власти между разными органами государства. Соединение этих трех видов власти в одном лице или в одном и том же учреждении способно породить величайший деспотизм.⁴² В итальянских (аристократических) республиках, замечает Монтескье, где три эти власти сосредоточены в руках одного сословия, свободы меньше, чем в монархиях.

Для охраны политической свободы граждан необходима выборность судей, существование у гражданина права выбора их состава, арест по решению суда-

43

⁴¹ Цит. Соч., с. 285.

⁴² Цит. Соч. с. 138-139.

⁴³ В понимании прав граждан, как это ясно из контекста этого раздела «Духа законов», Монтескье ориентируется на «Хабеас корпус акт» 1679 г.

В свободном государстве, считает Монтескье, «законодательная власть должна принадлежать народу». Но при этом «так как в крупных государствах это невозможно, а в малых связано с большими неудобствами, то необходимо, чтобы народ делал посредством своих представителей все, чего он не может делать сам».⁴⁴ Иными словами, Монтескье выступает за представительную демократию, отличную от непосредственной демократии, распространенной у древних.

К числу достоинств представительной демократии он относит то, что: - собрание состоит из представителей крупных населенных пунктов, хорошо знакомых с их нуждами; - представители не наделяются императивным мандатом, как это характерно для сословных сеймов Германии, сковывающим их свободу суждения и замедляющим, а то парализующим принятие решений; - право выбора представителей от своего округа «должны иметь все граждане, исключая тех, положение которых так низко, что на них смотрят как на людей, неспособных иметь свою волю»; - в собрании представителей можно обсуждать дела, тогда как в народном собрании это не получится.⁴⁵

⁴⁴ Цит. Соч. с. 141.

⁴⁵ Там же.

С учетом того, что новая демократическая республика рождается в обществе, где присутствует значительный слой влиятельного в экономическом и политическом отношениях дворянства, Монтескье одобительно смотрит на английскую практику двухпалатного парламента, в котором наряду с собранием представителей народа есть «собрание знатных» - палата лордов как наследственный законодательный корпус. Прерогативами парламента должны быть создание законов и надзор за тем как они соблюдаются. Парламент не должен обладать исполнительно-распорядительной властью, он не должен, как выражается Монтескье, принимать «активные решения», т.к. эту задачу он не в состоянии хорошо выполнить. Это должно принадлежать полномочиям исполнительной власти. Поскольку палата лордов является сословным представительством и может преследовать свои отдельные интересы, то ее полномочия в законодательной власти должны быть ограничены правом вето на решения, принимаемые палатой народных представителей.

Законодательное собрание должно периодически обновлять свой состав в ходе регулярных выборов для того, чтобы у народа была возможность влиять на направление его законодательной деятельности. Оно

должно периодически собираться на свои заседания «по собственному усмотрению», право созыва и роспуска законодательного собрания также должно принадлежать исполнительной власти.

Работа законодательного собрания должна проходить регулярно. Потому что, как поясняет Монтескье, «если бы законодательное собрание не собиралось в течение значительного промежутка времени», то тогда «произошло бы одно из двух: либо законодательная деятельность совсем прекратилась бы и государство впало в состояние анархии, либо эту деятельность приняла бы на себя исполнительная власть, вследствие чего эта власть стала бы абсолютной».⁴⁶ Вместе с тем, законодательное собрание не должно работать непрерывно, т.к. в этом случае исполнительной власти приходилось бы не выполнять свои прямые обязанности, а «защищать свои прерогативы и свое право на исполнительную деятельность».⁴⁷

Исполнительная власть должна быть в руках монарха и назначенных им министров. Такое сосредоточение исполнительной власти в руках одного необходимо для обеспечения оперативности в принятии ре-

⁴⁶ Цит. Соч. с. 143.

⁴⁷ Там же.

шений. Исполнительная власть должна обладать правом вето на решения законодательной власти. Это необходимо для того, чтобы законодательная власть не присвоила исполнительных полномочий. С другой стороны, исполнительная власть не должна обладать правом установления законов. При этом законодательная власть, имея право контроля над деятельностью правительства, также должна обладать правом привлечения к суду министров и советников монарха, который, в отличие от них, пользуется иммунитетом от судебного преследования как олицетворение независимости исполнительной власти.

Описывая систему сдержек и противовесов, предотвращающих в Англии сосредоточение власти в одних руках, Монтескье уделяет внимание системе импичмента и судебного преследования представителей исполнительной власти. Он с одобрением отзывается о практике создания особых судов для рассмотрения такого рода дел, в которых палата народных представителей выступает стороной обвинения, а судебной властью является палата лордов.

Подводя итог своему анализу политического устройства Англии, Монтескье замечает, что он в отличие от Гаррингтона, который пытался изобразить высшую

степень политической свободы в утопии «Океания», находит ее в политическом строе его страны, который многими чертами существенно отличается от древней демократии.

К числу других важных отличий новой демократии, которые также выделяет французский мыслитель, относятся вопросы о территориальных пределах демократии и религии ее народа. Аристотель, как мы видели, исходит из того, что демократическое правление возможно в небольшом по территории государстве. В общем виде Монтескье этот тезис не оспаривает. Более того, он формулирует общую закономерность, устанавливающую корреляцию между территорией государства и существующим в нем образом правления: «Если небольшие государства по своей природе должны быть республиками, государства средней величины - подчиняться монарху, а обширные империи – состоять под властью деспота, то отсюда следует, что для сохранения принципов правления государство должно сохранять неизменными свои размеры и что дух этого государства будет изменяться в зависимости от расширения или сужения пределов его территории».⁴⁸ Но ограничения, накладываемые этим правилом на размеры

демократической республики, у Монтескье смягчаются, во-первых, благодаря тому, что в отличие от древней демократии, она является не непосредственной, а представительной, а, во-вторых, благодаря еще одному фактору, иногда использовавшемуся древними и современными демократиями – она может быть *федеративной республикой*.

Федеративную республику Монтескье определяет следующим образом: «Эта форма правления есть договор, посредством которого несколько политических организмов обязуются стать гражданами одного более значительного государства, которое они пожелали образовать. Это общество обществ, составляющих новое общество, которое может увеличиваться присоединением к нему новых членов до тех пор, пока оно не станет достаточно сильным, чтобы обеспечить безопасность входящих в него государственных единиц».⁴⁹ Преимущество федеративной республики заключается не только в том, что она лучше может обеспечить внешнюю безопасность государства. Она обладает и рядом достоинств с точки зрения внутренней политики.

⁴⁸ Цит. Соч. с. 113.

⁴⁹ Цит. Соч. с. 116.

Во-первых, такая форма правления практически исключает возможность узурпации власти. Во-вторых, беспорядки и злоупотребления, возникшие в одном из членов федерации, могут быть исправлены объединенными усилиями других его членов. В-третьих, одна часть государства может разрушиться, но при этом сохранятся другие его части, и даже если распадется весь государственный союз, то его части могут остаться независимыми государствами, не погружая тем самым граждан и общество в пучину безгосударственной анархии.

Федерации должны состоять главным образом из республик, поскольку их принципы правления подобны. Монтескье считает правильным, что в федеративной республике ни одно из входящих в нее государств не может заключить союз без согласия остальных членов федерации. В общем совете федеративного государства все его члены должны иметь представительство пропорционально численности их населения. Таким же образом должны уплачиваться налоги в общегосударственную казну.

Монтескье своим анализом преимуществ федеративной республики открыл дорогу демократии как формы государственного правления вполне пригодной

для крупных государств Нового времени. Именно на эти мысли Монтескье опирались отцы-основатели американской конституции при ее разработке.⁵⁰ Хотя не всегда на эти идеи французского мыслителя обращали внимание его современники и последующие политические мыслители, в том числе и такой пламенный сторонник демократии, как Ж.-Ж. Руссо.

Еще одна особенность новой демократии, открытая Монтескье, заключается в религиозно-нравственном духе ее народа. Демократия у древних, как известно, не терпела религиозного свободомыслия у своих граждан и не содержала гуманных идей достоинства человека, которые присущи христианству. Рассматривая в книге 24 «Духа законов» вопрос об отношении различных религий к образам правления, существующим в разных странах, Монтескье отмечает (гл. 3), что христианство в целом более способствует умеренному правлению, чем магометанство. При этом он отмечает (гл.5), что из различных христианских конфессий католическая религия более согласуется с монархическим образом правления, а протестантская – с рес-

⁵⁰ На авторитет Монтескье ссылается А. Гамильтон, обосновывая преимущества федеративного устройства для будущей конституции США. (См.: Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея: Пер. с англ. – М., «Весь мир», 2000, с. 72-77.)

публиканским. Обычно эту идею рассматривают как принадлежащую М. Веберу, но на самом деле, как мы видим, значительно раньше ее выдвинул Монтескье.

Принятие протестантизма у северных народов Европы Монтескье объясняет традиционным у них духом независимости и свободы, которого нет у южно-европейских народов. Рассматривая влияние протестантизма на дух английского народа, Монтескье отмечает ряд важных черт, способствующих развитию свободомыслия и независимости граждан в этой стране.⁵¹ Протестантизм, у которого нет единого главы церкви и церковного клира, отделенного от мирян, ближе к народу. Протестантское вероисповедание более опирается на силу убеждения, чем на силу принуждения, как это свойственно католицизму. Убеждая, оно обращается к разуму, и поощряет обсуждение всех вопросов. Протестантизм не поощряет праздность, роскошь и пороки, он способствует формированию гордого, независимого и сурового духа, склонного к беспощадной сатире, самоуглублению, оригинальности ума.

Хотя в «Духе законов» Монтескье не высказывает своих личных политических предпочтений, подчерк-

⁵¹ Цит. Соч. с. 278-281.

нута занимая объективистскую позицию,⁵² которая если не оправдывает, то, по крайней мере, объясняет причины существования самых разных форм правления, в том числе - монархического и деспотического, тем не менее от внимательного читателя не ускользнет то предпочтение, которое французский мыслитель отдает демократической республике. Демократическая республика не только способствует свободе граждан, она создает основу для появления у граждан *патриотизма* – любви к отечеству, укрепляет нравственный дух обществ, раскрывает простор для гражданской инициативы и активного политического участия в делах государства. Эти позитивные черты были свойственны уже демократии у древних. Новая демократия не только их сохраняет, но и преодолевает свойственные ей ограничения, она более соответствует духу нового мира – мира крупных государств, мировой торговли, предпринимательства, религиозного и мировоззренческого плюрализма, прогресса науки и техники.⁵³

⁵² Такая осторожность Монтескье не была случайной. Как известно, его «Персидские письма» были запрещены во Франции, а «О духе законов» он, опасаясь преследований, опубликовал анонимно в Женеве.

⁵³ Автор статьи «Монтескье» в «Блеквиллской энциклопедии политической мысли» утверждает, что в вопросе о демократии «Монтескье перешел на сторону своих современников и выступил против греков» (см.: *Енциклопедія політичної думки*. /Пер. з англ. – К.: Дух і Літера, 2000, с. 251). Нам, в отличие от автора этой статьи, представляется, что Монтескье занимает не позицию

противопоставления древней и новой демократии, а позицию дополнения и развития институтов древней демократии применительно к новым историческим условиям.

Глава 3.

Теория демократии Просвещения: Руссо.

3.1. Политическая философия Руссо: общие принципы.

Новый поворот разработка проблемы демократии получила в творчестве младшего современника Монтескье – Жан-Жака Руссо (1712-1778). Его труд «Об общественном договоре, или принципы политического права» (1762) явился попыткой обоснования радикальной теории демократии, понимаемой как чистая форма правления, в то время как Аристотель и Монтескье полагали, что стабильная демократия может существовать в качестве компонента смешанной формы правления – политики или парламентской монархии.

В отличие от Аристотеля и Монтескье, которые принципы политической теории разрабатывали при опоре на политическую практику, Руссо приходит к принципам своей политической теории, исследуя законы человеческого общежития «такими, какими они могут быть».¹ Он создает нормативную теорию демократии, в прокрустово ложе которой затем должно быть

¹ Руссо Ж.-Ж. «Об общественном договоре» /Руссо Ж.-Ж. Трактаты. – М., Наука, 1969, с.151.

втиснуто общество со всем богатством его экономических, социальных, политических и духовных отношений. Отправляясь от концепции общественного договора, которая разрабатывалась в политической философии Нового времени, Руссо развивает ее радикальную версию.

3.2. Концепция общественного договора Руссо.

Исходные посылки концепции Руссо заключаются в том, что (1) в общественный договор могут вступать только свободные люди, (2) он представляет результат их добровольных действий и (3) результатом соглашения людей не может быть их отказ от своей свободы. Руссо, в противоположность Аристотелю, не признает «естественного» рабства;² он убежден в том, что сила не создает никакого права, и потому приходит к выводу, «что основой любой законной власти среди людей могут быть только соглашения»³.

При этом в противоположность Гроцию и Гоббсу, Руссо считает, что народ не может добровольно дать согласие на отчуждение своей свободы и подчинение власти государя. Такое соглашение является самоот-

² Руссо Ж.-Ж. Цит. Соч., с. 155.

³ Там же.

рицанием, т.к. означает свободный отказ от свободы и потому по содержанию ничтожно. Такое соглашение недействительно, т.к. в его результате возникает вопиющее неравенство сторон: одной стороне принадлежит неограниченная власть, а другой – безграничное повиновение, одной стороне принадлежат все права, а на другую возлагаются одни обязанности. Человек, лишенный всех прав, утрачивает правосубъектность и перестает быть участником правовых отношений; а, утрачивая свободу воли, он также теряет нравственную основу для своих поступков, становится морально невменяемым существом. Но морально невменяемыми среди взрослых людей являются только душевнобольные. Поэтому заключение такого соглашения – это акт безумия, а «безумие не творит право».⁴

Другое отличие трактовки «общественного договора» у Руссо от его понимания у Гроция, Гоббса⁵ и Локка, заключается в том, что он представляет «общественный договор» как процесс двойного конституирования – отдельные люди, переходя из естественного в

⁴ Руссо Ж.-Ж. Цит. Соч., с. 156. В данном случае Руссо цитирует Монтескье.

⁵ Глубокий анализ политической теории Т. Гоббса дан у Э. Ю. Соловьева. См.: Философия эпохи ранних буржуазных революций. – М., Наука, 1983, с. 223-240. О концепции общественного договора у Т. Гоббса и Дж. Локка см. также: Козловски П. Общество и государство: неизбежный дуализм. – М., Республика, 1998, с. 158-162.

общественное состояние создают народ, а народ вырабатывает соглашение о законах и власти, которым он будет подчиняться в своей общественной жизни. Такой подход отличается от точки зрения названных мыслителей, у которых субъектом конституирования государства является отдельный человек, который благодаря этому акту сразу переходит из естественного состояния в политическое.

Последовательность первого акта конституирования *отдельными индивидами – народа*, и второго акта конституирования *народом* своей *политической организации – государства* понимается Руссо скорее не как хронологическая, а как логическая. Первый акт предшествует второму не по времени, а - по сути.

Образование народа не означает образования простого скопления людей, а создание *ассоциации*, причем такой формы ассоциации, «которая защищает и ограждает всю общую силу личности и имущество каждого из членов ассоциации, и благодаря которой каждый, соединившись со всеми, подчиняется, однако, только самому себе и остается столь же свободным, как и прежде». ⁶ Такой, по мнению Руссо, является задача, которую призван решить общественный договор в пер-

вом акте. Посмотрим как ее решает французский мыслитель.

Сущность пакта образования ассоциации Руссо усматривает в том, что каждый вступающий в это соглашение «передает в общее достояние и ставит под высшее руководство общей воли свою личность и все свои силы, и в результате для нас всех вместе каждый член превращается в нераздельную часть целого».⁷

Пакт образования ассоциации включает в себя изменение личного статуса человека и статуса его имущества. Каковы эти изменения и в чем смысл образования ассоциации? Не ведет ли образование ассоциации к тем негативным последствиям, за которые Руссо столь резко критиковал концепцию общественного договора своих предшественников?

Руссо полагает, что при образовании ассоциации каждый из ее членов отчуждает все свои права в пользу общины, а не отдельного лица (монарха), в результате чего создается «условное коллективное Целое». Это обстоятельство (отчуждение прав в пользу коллективного, а не индивидуального субъекта) приводит к тому, что: - во-первых, образуется негативное равенство чле-

⁶ Руссо Ж.-Ж. Цит. Соч., с. 160.

⁷ Руссо Ж.-Ж. Цит. Соч., с. 161.

нов ассоциации: все они в равной мере отказались от всех своих прав в пользу общины; во-вторых, отсутствие различий между членами ассоциации лишает почвы возможные взаимные претензии и споры между ее членами; в-третьих, равенство условий для всех членов общины приводит к тому, что никто не стремится сделать их обременительными для других; - наконец, каждый, подчиняя себя всем, не подчиняет себя никому в отдельности, уступая свои индивидуальные права коллективному целому, он, в качестве части этого целого, получает их обратно в усиленном виде и ровно в той же мере, как и любой другой член общины.

Что происходит с имуществом человека при заключении пакта ассоциации? В естественном состоянии человек, по мнению Руссо, «имеет право на все, что ему необходимо»,⁸ при этом главным объектом притязаний и условием человеческой жизни является земля. Однако это еще не право собственности, а право «первой заимки», которое ограничивается тремя условиями: - во-первых, на этой земле еще никто не жил; - во-вторых, не должно захватываться излишнее, «занято было лишь столько, сколько необходимо, чтобы прокормиться»; - в-третьих, акт занятия, заимки должен быть не

формальным, а подтверждаться трудом, «расчисткой и обработкой» земли.⁹ Руссо исходит из трудового происхождения собственности и полагает, что ее справедливые размеры должны быть ограничены пределами того, что человек способен сам (или вместе с членами своей семьи) обработать и чего достаточно для удовлетворения необходимых жизненных потребностей.

При образовании ассоциации человек подчиняет себя и все свои силы общине, в том числе и принадлежащее ему имущество. Община же, «принимая земли частных лиц, вовсе не отбирает у них эти земли, - она лишь обеспечивает этим лицам законное владение ими, превращая захват в подлинное право, а пользование в собственность».¹⁰ Благодаря пакту ассоциации человек осуществляет правовое оформление своего имущества, из владельца он превращается в собственника, при этом «акт положительного права, делающий его собственником какого-либо имущества, лишает его тем самым права на все остальное».¹¹ Община, признав человека собственником имущества, гарантирует защиту этой собственности.

⁸ Руссо Ж.-Ж. Цит. Соч., с. 165.

⁹ Руссо Ж.-Ж. Цит. Соч., с. 166.

¹⁰ Руссо Ж.-Ж. Цит. Соч., с. 165.

¹¹ Руссо Ж.-Ж. Цит. Соч., с. 165

Впрочем, Руссо и сам понимает, что нарисованная им картина носит чрезмерно идиллический характер. Едва ли размеры «первой заимки» всегда строго отвечают указанным им критериям, и вряд ли община всегда готова узаконить имущество, которое захватил вступающий в нее член в тех размерах, в каких ему это удалось. Кроме того, здесь предполагается, что неравенство людей по силе и способностям может быть преодолено, в результате чего «они становятся все равными в результате соглашения и по праву».¹² В сноске к этому тезису Руссо пишет: «На деле законы всегда приносят пользу имущим и причиняют вред тем, у кого нет ничего...» Правда такое действие законов Руссо списывает на «дурные» правления, полагая что ему удастся разработать модель хорошего правления, свободного от такого недостатка и указывает на какие принципы она должна ориентироваться: «... отсюда следует, что общественное состояние выгодно для людей лишь поскольку они все чем-либо обладают и поскольку ни у кого из них нет ничего излишнего».¹³

До сих пор мы рассматривали общественный договор как пакт образования общины. Мы анализировали

¹² Руссо Ж.-Ж. Цит. Соч., с. 167.

¹³ Там же.

отношения, которые возникают *между членами ассоциации*. Это горизонтальный срез отношений, образуемых пактом ассоциации. Здесь еще отсутствует инстанция власти, возвышающаяся над рядовыми членами ассоциации. Без этой инстанции община, образованная пактом ассоциации, остается добровольным союзом взаимопомощи, существующим до тех пор, пока его члены испытывают в нем нужду. Политический характер община, образуемая пактом ассоциации, приобретает тогда, когда у нее появляется вертикальное измерение, когда возникают отношения *между членами ассоциации и самой ассоциацией как целым*. Эти отношения Руссо рассматривает на следующем этапе своего анализа пакта ассоциации.

Следует заметить, что Руссо не выделяет в самостоятельную сферу отношения частных лиц между собой, а также отношения, возникающие в рамках созданных ими союзов и ассоциаций, предназначенных для удовлетворения различных интересов и потребностей. Эта сфера добровольных союзов и ассоциаций, частной инициативы и деятельности людей, которая в других направлениях политической мысли рассматривается как *гражданское общество*, отличное от госу-

дарства, не является для него предметом специального анализа.¹⁴

В результате договорных отношений лиц, учреждающих ассоциацию, возникает юридическое лицо, которое Руссо именует «Республикой», или «Политическим организмом». Этот политический организм Руссо рассматривает в трех отношениях: (1) активное отношение членов ассоциации к этому политическому организму определяет его как *суверена*, он является их коллективным волеизъявлением, что приводит к установлению законов, а членов ассоциации превращает в *граждан*; (2) пассивное отношение членов ассоциации к политическому организму, принадлежность их этому

¹⁴ В главе XII своего сочинения Руссо, рассматривая разделение законов, регулирующих жизнь политически организованного общества, выделяет 4 группы таких законов: (1) основные политические законы, в которых устанавливается государственное устройство; (2) гражданские законы, в которых регулируются отношения граждан между собою и их отношение к государству; (3) уголовные законы, в которых регулируются отношения между человеком и законом, а именно: между слушанием и наказанием; (4) моральные законы и обычаи. Второй род законов, выделяемый Руссо, - гражданские законы, - в отличие от всех других видов, оказываются охватывающими два рода отношений: (а) отношения граждан между собой и (б) их отношение к государству. Руссо считает, что первое отношение должно быть «сколь возможно малым», а второе – «сколь возможно большим, дабы каждый гражданин был совершенно независим от всех других и полностью зависим от Гражданской общины». (Руссо Ж.-Ж. Цит. Соч., с. 190) В политической концепции Руссо сфера отношений гражданского общества минимизируется, а сами эти отношения ставятся под патронат государства. В конце этой главы Руссо пишет, что «политические законы, составляющие форму Правления, есть единственный род законов, который относится к моей теме» (там же, с.191), подчеркивая, таким образом, что анализ отношений гражданского общества выносится за скобки его политической теории.

коллективному целому, подчинение его законам и актам правительства сообщает им определение *подданных*, а сам политический организм определяет как *государство*; (3) а отношение данного политического организма к другим подобным организмам определяет его как *державу*, субъекта межгосударственных отношений. Члены политического организма в совокупности именуется Руссо «народом». Три измерения политического организма, которые выделяет французский мыслитель, образуют для него пространство политического. Но нас будут интересовать внутренние отношения политического организма, поскольку они конституируют его как целостность.

В рамках политического организма у каждого человека, заключившего общественный договор, появляется три ипостаси: с одной стороны, он является *гражданином*, носителем прав, частью народа, в котором его индивидуальные интересы и воля растворяются, вливаясь в народные интересы и общую волю; с другой стороны – как *подданный* он выступает носителем обязанностей перед государством; с третьей стороны, он как *человек* сохраняет свои отдельные интересы и индивидуальную волю. Руссо отмечает, что как данный конкретный человек, он может «иметь особую волю,

противоположную или несходную с этой общей волей, которой он обладает как гражданин». А его «частный интерес может внушать ему иное, чем то, чего требует интерес общий».¹⁵ Частный интерес человека может также подсказывать ему, что исполнение обязанностей подданного слишком обременительно и желательно было бы переложить их на других. Множественность ипостасей человека способна порождать противоречия, которыми характеризуется напряженность существования человека в пространстве политического.

3.3. Теория политического суверенитета.

А теперь рассмотрим определения юридического лица, образованного общественным договором, того политического организма, который возвышается над индивидами и их общиной. Сущностным определением политического организма является его определение как *суверена*, понимаемого Руссо в противоположность апологетам монархии, как *коллективное существо*. Главным качеством суверена является *суверенитет*. И это качество французский мыслитель определяет отличным от своих предшественников образом.

¹⁵ Руссо Ж.-Ж. Цит. Соч., с. 163.

Суверенитет Руссо прежде всего рассматривает не через призму политико-правовых, а через призму социологических категорий. Суверенитет – это квинтэссенция общественной связи людей. Если различие интересов людей образует побудительный стимул к образованию обществ, то саму общественную связь «образует как раз то, что есть общего в этих различных интересах; и не будь такого пункта, в котором согласны все интересы, никакое общество не могло бы существовать».¹⁶ У Руссо прозаическое совпадение *интересов*, а не благородная аристотелевская «дружба» образуют основу общественных связей. Исходя из такого определения сути общественной связи, Руссо заключает: «Итак, обществом должно править, руководясь единственно этим общим интересом».¹⁷

Интерес, стремящийся к реализации, осуществлению, является *волей*. Воля народа как целого является суммой изъявлений воли частных лиц, образовавшейся путем отбрасывания взаимно уничтожающихся крайностей и сложения оставшихся расхождений.¹⁸ Таким образом, общая воля является некоей композицией

¹⁶ Там же, с. 167-168.

¹⁷ Руссо Ж.-Ж. Цит. Соч., с. 168.

¹⁸ Руссо Ж.-Ж. Цит. Соч., с. 170.

из частных волей, за вычетом их антагонистических, взаимно уничтожающихся крайностей.

Если воля частных лиц («воля всех») направлена на достижение частных интересов, то народная воля («общая воля»), по выражению Руссо, «блюдет только общие интересы».¹⁹ Реализация частных или общих интересов составляет *благо*.²⁰ Общая воля, ориентированная на общий интерес, как равнодействующую частных интересов, по убеждению Руссо, «неизменно направлена прямо к одной цели и стремится всегда к пользе общества».²¹ Такая характеристика общей воли связана с допущением, что она способна к разумному целеполаганию, она способна выделить из пестрого сплетения частных интересов основу – общий интерес, и сформулировать его как цель, к которой должна стремиться общая воля.

Но не может ли общая воля заблуждаться, и вместо пользы нанести обществу вред? Руссо признает, что человек – это существо, способное заблуждаться-

¹⁹ Там же.

²⁰ Стоит отметить, что категория общественного блага понимается у Руссо иначе, чем у Аристотеля. Если у Аристотеля благо является определением благой жизни, состояния достойного человеческого существования, то у Руссо благо рассматривается в контексте целерационального человеческого действия. Благо есть успешный результат человеческого деяния, отвечающий его интересам.

²¹ Руссо Ж.-Ж. Цит. Соч., с. 170.

ся: «Люди всегда стремятся к своему благу, но не всегда видят, в чем оно».²² Каким же образом из суммы способных заблуждаться частных волей может получиться незаблуждающаяся общая воля? Современной политической теории эта проблема известна как проблема общественного выбора. У Руссо предлагается ее оригинальное решение.

Он исходит из того, что в общественном выборе не существует абсолютных гарантий истинности и справедливости решений общей воли: «Всякая справедливость – от Бога, Он один – ее источник; но если бы мы умели получать ее с такой высоты, мы не нуждались ни в правительстве, ни в законах».²³ Поэтому в общественном выборе мы должны довольствоваться иного рода справедливостью, которая исходит от разума, основана на *рациональном расчете и конвенциональных соглашениях*. Руссо утверждает, что «существует всеобщая справедливость, исходящая лишь от разума, но эта справедливость, чтобы быть принятой нами, должна быть взаимной».²⁴ Истинность и справедливость решений общей воли опирается не на *материальные*, а на *процессуальные* гарантии.

²² Руссо Ж.-Ж. Цит. Соч., с. 170.

²³ Руссо Ж.-Ж. Цит. Соч., с. 176.

Правильное решение общей волей может быть принято при наличии такого предварительного условия, как «достаточная осведомленность» народа и при соблюдении такой процедуры выработки решения, когда «граждане не вступают между собою ни в какие сношения» и «из множества незначительных различий вытекает всегда общая воля...».²⁵ Возникновение же частных союзов граждан, появление сговоров, деформирует общее решение, т.к. вместо суммы незначительных расхождений интересов, получится несколько значительных.

Чтобы исключить лукавство и стратегические расчеты при индивидуальном волеизъявлении, когда предполагают, что умные будут пользоваться правами, предоставляемыми законами, а глупцы будут исполнять связанные с ними обязанности, принятые решения должны быть снабжены санкцией, которая могла бы «объединить права и обязанности и вернуть справедливость к ее предмету».²⁶

Если *общий интерес* является социологическим эквивалентом суверенитета, то его политическим вы-

²⁴ Руссо Ж.-Ж. Цит. Соч., с. 176.

²⁵ Руссо Ж.-Ж. Цит. Соч., с. 170. Процедура выработки справедливого решения общей воли, описанная Руссо, напоминает практику принятия решений присяжными в суде.

ражением является *власть*, которая позволяет править обществом, руководствуясь общим интересом. Прибегая к органической аналогии, Руссо пишет: «Подобно тому, как природа наделяет каждого человека неограниченной властью над всеми членами его тела, общественное соглашение дает Политическому организму неограниченную власть над всеми его членами, и вот эта власть, направляемая общей волей, носит, ..., имя суверенитета».²⁷

Это исходное определение суверенитета у Руссо не лишено недостатков. Во-первых, оно построено на аналогии между природой человека и природой политического организма, а аналогия, как известно, не есть доказательство. Во-вторых, известное высказывание о том, что «всякое сравнение хромает» справедливо, если и не во всех случаях, то в этом наверняка. Трудно согласиться с тем, что «природа наделяет каждого человека неограниченной властью над всеми членами его тела», поскольку хорошо известно, что члены нашего тела при его здоровом состоянии повинуются нам до определенного предела, а в случае болезни могут и вовсе решительно отказаться нам служить. Поэтому мы

²⁶ Руссо Ж.-Ж. Цит. Соч., с. 176.

²⁷ Руссо Ж.-Ж. Цит. Соч., с. 171.

примем определение суверенитета у Руссо как очень сильное допущение, и проследим к каким выводам оно приведет.²⁸

К числу важнейших характеристик суверенитета относится то, что он *неотчуждаем* и *неделим*. Неотчуждаемость суверенитета выводится Руссо из того, что он является продуктом народного волеизъявления, акт которого способен осуществить только сам народ. Нельзя хотеть за кого-либо, желание народа может выразить только сам народ. По этой же причине суверенитет не может быть *представляемым*. Поскольку он заключается в общей воле, а «воля никак не может быть представляема; или это она, или это другая воля, среднего не бывает».²⁹ Представительство воли в лучшем случае искажает общую волю народа смешением ее с частной волей представителя, а в худшем подменяет первую последней. Руссо категорично утверждает: «Депутаты народа, следовательно, не являются и не могут

²⁸ У Руссо есть более рациональный аргумент, обосновывающий необходимость суверенной власти политического целого над своими членами – это борьба с «безбилетными пассажирами», теми людьми, которые захотели бы пользоваться «правами гражданина, не желая исполнять обязанностей подданого». Тут Руссо совершенно прав, утверждая, что «эта несправедливость, усугубляясь, привела бы к разрушению Политического организма». (Руссо Ж.-Ж. Цит. Соч., с. 163). Однако существование нарушителей общественного договора не может служить основанием для *неограниченной власти* суверена *над всеми его членами*. Добровольный политический союз должен включать в себя презумпцию добросовестности его членов.

являться его представителями; они лишь его уполномоченные; они ничего не могут постановлять окончательно. Всякий закон, если народ не утвердил его непосредственно сам, недействителен; это вообще не закон. Английский народ считает себя свободным: он жестоко ошибается. Он свободен только во время выборов членов Парламента: как только они избраны – он раб, он ничто».³⁰ Если правители и депутаты говорят от имени народа, то это может происходить либо по поручению народа, в рамках императивного мандата, либо с молчаливого согласия народа на ограничение его суверенности.

Воля народа неотчуждаема также потому, что ее существование характеризуется модусом актуальности, она всегда находится в настоящем, она не может сковать себя на будущее время, «потому что ни от какой воли не зависит соглашаться на что-либо противное благу существа, обладающего волею».³¹ Этот тезис Руссо подразумевает следующее обоснование. Свобода воли заключается ее способности самоопределения и переопределения. Если же она будет определять себя и на будущее время, то такое определение стано-

²⁹ Руссо Ж.-Ж. Цит. Соч., с. 222

³⁰ Там же.

вится *предопределением, судьбой, роком*, что, по сути, означает отрицание волей своей свободы. Вторая линия аргументации связана с пониманием свободы воли как инструмента, служащего субъекту-носителю свободы воли (индивиду или народу).

Неотчуждаемость свободы воли народа как суверена доводится Руссо до предела. Воля народа свободна и неотчуждаема от него, поскольку она является его *соглашением с самим собою*, а это значит, подчеркивает Руссо, «нет и не может быть никакого основного закона, обязательного для Народа в целом, для него не обязателен даже Общественный договор».³²

Неделимость суверенитета является следствием того, что он суть выражение воли народа как целого. Всякое же деление предполагает наличие частей, что по определению будет означать появление частной воли.

Акт суверенитета Руссо характеризует как действие «законное», «справедливое», «полезное» и «прочное».³³ С точки зрения правовой формы акт суверенитета является *законом*, который является *решением народа, касающимся всего народа*, или решением

³¹ Руссо Ж.-Ж. Цит. Соч., с. 168.

³² Руссо Ж.-Ж. Цит. Соч., с. 163.

суверена, охватывающим всех членов политического организма. Руссо подчеркивает, что в этом случае, как само решение, так и воля, которая его выносит, имеют общий характер.³⁴ Закон не рассматривает отдельного индивида или отдельный поступок, он не может касаться частных случаев. Суверен не может высказываться по поводу частных предметов, т.к. в этом случае он выказывает частную волю и перестает быть сувереном. То, что суверен приказывает по частному поводу это, по мнению Руссо, «не закон, а декрет; и не акт суверенитета, а акт магистратуры»,³⁵ т.е. акт исполнительно-распорядительный, субъектом которого должно быть правительство.

Справедливость акта суверенитета заключается в том, что он устанавливает правовое равенство граждан: «все они принимают на себя обязательства на одних и тех же условиях и все должны пользоваться одинаковыми правами».³⁶ Конечно Руссо понимает, что между должным и сущим имеется определенная дистанция. Возможность пользоваться одинаковыми правами предполагает существование в действительности

³³ Руссо Ж.-Ж. Цит. Соч., с. 173.

³⁴ Руссо Ж.-Ж. Цит. Соч., с. 177.

³⁵ Там же, с. 178.

³⁶ Руссо Ж.-Ж. Цит. Соч., с. 173.

определенной меры фактического равенства граждан. Поэтому его правовой эгалитаризм при последовательном проведении оказывается также и социально-экономическим эгалитаризмом.

Справедливость акта суверенитета Руссо обосновывает также с помощью того аргумента, что поскольку закон устанавливается народом для народа, то закон не может быть несправедливым, т.к. «никто не бывает несправедлив по отношению к себе».

«Польза» акта суверенитета заключается в том, что он преследует общий интерес, а его «прочность» проистекает из того, что он поддерживается совокупными силами всего народа.

3.4. Сравнительный анализ концепций прав человека и основных свобод у Руссо и Локка.

Образование политического организма, конституирование суверена народной волей является вторым заключительным этапом общественного договора, который инициировали индивиды. Каким теперь оказывается положение человека-члена политического организма, насколько оно изменилось по сравнению с тем статусом, которым он обладал в «естественном состоянии», до заключения общественного договора?

Об изменении статуса человека в ходе первого этапа общественного договора, когда образуется община, мы писали выше. Какие изменения статуса человека происходят, когда над общиной надстраивается политический суверен? В каком положении оказывается человек как учредитель общественного договора после образования верховной неотчуждаемой и неделимой власти политического суверена?

Руссо считает, что «кроме общества как лица юридического, мы должны принимать в соображение и составляющих его частных лиц, чья жизнь и свобода, естественно, от него независимы».³⁷ Однако насколько частные лица независимы, и какая инстанция удостоверяет эту независимость? Порядок установления независимости частных лиц, гарантий сохранения их жизни, свободы и имущества у Руссо выстраивается в такой последовательности: он рекомендует четко различать (1) «соответственно права граждан и суверена», затем (2) «обязанности, которые первые должны нести в качестве подданных», и, наконец, (3) «естественное право, которым они должны пользоваться как люди».³⁸ Таким образом, права человека, который в обществе

³⁷ Руссо Ж.-Ж. Цит. Соч., с. 171.

³⁸ Руссо Ж.-Ж. Цит. Соч., с. 172.

предстает как «частное лицо», учитываются в последнюю очередь, после того, как им будут исполнены его права гражданина и обязанности подданного.

Имея в виду концепцию общественного договора Дж. Локка, согласно которой человек в естественном состоянии обладает правами на жизнь, собственность и свободу, частью которых он поступается при образовании государства, для того чтобы его наделить полномочиями, необходимыми для защиты общих интересов всех членов образуемого политического сообщества, Руссо рассматривает этот процесс из другой перспективы. Локк видит процесс образования прав человека из перспективы самого человека, а Руссо – из перспективы возникшего политического организма. «Все согласны с тем, - пишет Руссо, - что все то, что человек отчуждает по общественному соглашению из своей силы, своего имущества и своей свободы, составляет лишь часть всего того, что имеет существенное значение для общины. С этим согласны все; *но надо также согласиться с тем, что один только суверен может судить о том, насколько это значение велико*». ³⁹

После формулирования столь жесткого тезиса, предоставляющего определение объема прав человека

на благоусмотрение суверена, Руссо тут же спешит успокоить читателя следующим набором смягчающих соображений: - суверен «не может налагать на подданных узы, бесполезные для общины»; - воля суверена слагается из индивидуальных волей, а кто не думает о себе, голосуя в интересах всех?; - «общественное соглашение устанавливает между гражданами такого рода равенство, при котором все принимают на себя обязательства на одних и тех же условиях и все должны пользоваться одинаковыми правами».⁴⁰

И все же права человека в политически организованном обществе у Руссо *декларируются сувереном*, в то время как у Локка и следующей за ним либерально-республиканской традицией политической мысли, они *предпосылаются* политическому сообществу; в конституциях, созданных в рамках соответствующей традиции, они провозглашаются как принадлежащие человеку, независимо от воли государства.

У Локка права человека на жизнь, собственность и свободу образуют целостный правовой комплекс, который можно развернуть в систему законодательно гарантированных свобод – совести, слова, печати, собра-

³⁹ Руссо Ж.-Ж. Цит. Соч., с. 172. Курсив в цитате принадлежит нам. – Авт.

⁴⁰ Руссо Ж.-Ж. Цит. Соч., с. 172-173.

ний, союзов, профессий, свободы перемещения и т.д.⁴¹ У Руссо они сворачиваются, в конечном итоге сводятся к одному-единственному «первичному праву» - праву «подавать голос при всяком акте суверенитета», праву, «которого ничто не может лишить граждан» и производному от первичного права - праву высказывать мнения, вносить предложения и обсуждать действия правительства.⁴²

Полнота прав и свобод человека, по логике концепции Руссо, существует только при заключении общественного договора: «Ибо вхождение в ассоциацию граждан есть самый добровольный акт в мире; поскольку всякий человек рождается свободным и хозяином самому себе, никто не может ни под каким предлогом подчинить его без его согласия».⁴³ После же заключения такого договора все с ним несогласные становятся «чужестранцами среди граждан», которые должны или покинуть территорию государства, или, оставшись на ней, подчиниться условиям общественного договора. Если в народном собрании возобладает мнение большинства, от которого отличается мнение отдельного

⁴¹ Анализ основ политической концепции Локка и обоснование приведенного в тексте тезиса см.: Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). – М., Политиздат, 1991, с. 146-167.

⁴² Руссо Ж.-Ж. Цит. Соч., с. 229

человека, то ему следует признать, что его мнение не только ошибочно, но и не отвечает его настоящим желаниям.⁴⁴

Границы независимости частного лица, его права и свободы, по логике концепции Руссо, определяются волей суверена, а мнения и стремления частных лиц находятся под мощным прессом диктатуры большинства.

3.5. Учение о правительстве и формах правления.

В политическом организме суверен выступает как законодательная власть. Его действие – волеизъявление народа - воплощается в законе, акте общего характера. Но для своего воплощения закон нуждается в конкретных действиях частного характера, для которых нужна сила. Эту силу политического организма Руссо определяет как *власть исполнительную*, и именует *правительством* или *государем*.

Как и понятие суверена, понятие правительства у Руссо рассматривается в двух аспектах: (1) социологически, в духе свойственной XVIII веку «социальной физики», и (2) в плоскости политико-правового анализа

⁴³ Руссо Ж.-Ж. Цит. Соч., с. 230.

⁴⁴ Там же, с. 231.

природы исполнительной власти в контексте политического организма.

В политико-правовом отношении форма правления суть акт суверена, устанавливающего порядок управления государством. Соотношение законодательной и исполнительной власти Руссо видит следующим образом: если «законодательная власть принадлежит народу и может принадлежать только ему», то «исполнительная власть, напротив, не может принадлежать всей массе народа как законодательнице или суверену, так как эта власть выражается лишь в актах частного характера, которые вообще не относятся к области Закона».⁴⁵ Отношения между народом и правительством это не договор, которым он подчиняет себя исполнительной власти, а *поручение, должность*, члены исполнительной власти суть «простые чиновники суверена, осуществляю его именем власть, блюстителями которой он их сделал, власть, которую он может ограничивать, видоизменять и отбирать когда ему будет угодно...»⁴⁶ Поэтому установление правительства, в отличие от конституирования суверена, это не вопрос политической онтологии, раскрывающей природу политиче-

⁴⁵ Руссо Ж.-Ж. Цит. Соч., с. 191-192.

⁴⁶ Там же, с. 192.

ски организованного общества, а вопрос политической технологии, проблема нахождения оптимального, эффективного средства управления обществом.

В плоскости социологического анализа исполнительная власть у Руссо изображается как орган, который осуществляет перевод общих решений народа как целого (суверена) в план конкретных действий и усилий отдельных людей, из которых он состоит. Общие решения, в которых человек участвует по праву гражданина, затем с помощью правительства возвращаются к нему в виде тех действий, направленных на осуществление этих решений, которые возлагаются на него как на подданного. Динамическое равновесие в такой системе может сохраняться, если будут соблюдаться пропорции в отношениях между подданным – правительством – сувереном (народом).

Руссо для пояснения своей мысли приводит такой пример, подчеркивая его упрощенный характер. Допустим, что государство состоит из десяти тысяч граждан, тогда отношение суверена к подданному равняется отношению 10.000:1. Если же численность граждан государства равняется ста тысячам, тогда это отношение будет равняться частному от деления 100.000:1. Во втором случае воля отдельного гражданина имеет в де-

сять раз меньше влияния на решение общей воли, чем в первом. Как полагает Руссо, «чем менее сходны изъявления воли отдельных лиц и общая воля, ..., тем более должна возрастая сила сдерживающая».⁴⁷ Из этого он делает вывод: «Следовательно, Правительство, чтобы отвечать своему назначению, должно быть относительно сильнее, когда народ более многочислен».⁴⁸

С другой стороны, увеличение силы правительства ведет его к соблазнам злоупотребления властью. Поэтому, чем сильнее становится правительство, тем больше должно быть сил у суверена для сдерживания самого правительства от злоупотреблений властью. Другими словами, отношение «народ – индивид», должно быть подобно отношению «народ – правительство», между этими отношениями должна существовать корреляция. Исходя из такого рода соображений, Руссо приходит к общему выводу: «Это показывает, что не может быть такого устройства Управления, которое было единственным и безотносительно лучшим, но что может существовать столько видов правления, различ-

⁴⁷ Руссо Ж.-Ж. Цит. Соч., с. 193.

⁴⁸ Там же.

ных по своей природе, сколько есть Государств, различных по величине». ⁴⁹

Принцип, определяющий различные формы правления, выводится Руссо из социологического анализа соотношения сил в политическом организме, в котором выделяются три центра активности или три различных вида воли: (1) воля индивида, «которая стремится лишь к своей частной выгоде; (2) корпоративная воля магистратов (органов или лиц исполнительной власти); (3) воля народа, «которая является общей волей как по отношению к Государству, рассматриваемому как целое, так и по отношению к Правительству, рассматриваемому как часть целого». ⁵⁰ Порядок соотношения этих волей, устанавливаемый в соответствии с понятием политическом организме, предполагает, что общая воля «должна быть всегда преобладающей, быть единым правилом для всех остальных волеизъявлений», корпоративная воля должна иметь «подчиненное значение», а частная воля индивида «должна быть ничтожна».

⁴⁹ Руссо Ж.-Ж. Цит. Соч., с. 194.

⁵⁰ Руссо Ж.-Ж. Цит. Соч., с. 196.

Но тут логика политического организма наталкивается на законы человеческой природы,⁵¹ в которой воля частных лиц всегда стоит выше воли различных союзов и корпораций. Этот закон применительно к деятельности правительства означает, что в нем самая сильная воля – это частная, затем корпоративная и лишь после этого общая воля; в правительстве, пишет Руссо, «каждый член это он сам, затем магистрат и потом – гражданин; последовательность прямо противоположная той, какой требует общественное состояние». ⁵²

Из этой логики следует вывод: «чем магистраты многочисленней, тем Правительство слабее». ⁵³ Корпоративная воля правительства как среднее звено, связывающее общую волю народа и волю частных лиц, при разрастании правительственного аппарата ослабляется, перестает быть инструментом суверенного народа и подвергается коррозии под воздействием частных интересов своих членов.

Соединяя этот вывод с предшествующим тезисом о том, что рост численности народа требует увели-

⁵¹ В нашу задачу не входит анализ антропологии Руссо, но заметим, что в его политическую теорию в качестве предпосылки встроено допущение, что человек по своей природе – разумный эгоист, склонный к социальной жизни.

⁵² Руссо Ж.-Ж. Цит. Соч., с. 196.

чения силы, которая его сдерживает, Руссо приходит к общему принципу форм правления: «... Отношение между числом магистратов и Правительством должно быть обратным отношению между числом подданных и Сувереном; т.е. чем больше Государство, тем больше должно Правительство сокращаться в своей численности; так, чтобы число правителей уменьшалось в той же мере, в какой численность народа возрастает».⁵⁴

Понятно, что эта формула не может дать точное определение того, сколько правителей требуется для народа данной численности. Но она указывает некоторые предельные, пороговые значения, за которыми управление политическим организмом теряет свое качество. Если количество магистратов сравняется с количеством подданных, то общество погрузится в состояние *анархии*. Если вся правительственная власть сосредоточится в руках одного человека, то она подомнет под себя и волю суверена, превратившись в *деспотию*. Для каждого данного народа в интервале от минимального до максимального правительства существует некоторая оптимальная величина, найти которую должно искусство законодателя.

⁵³ Руссо Ж.-Ж. Цит. Соч., с. 196.

⁵⁴ Руссо Ж.-Ж. Цит. Соч., с. 198.

Главными формами правления, согласно этому принципу, являются *демократия*, *аристократия* и *монархия*. Демократия представляет собой такую форму правления, когда суверен вручает правление «всеми народу или большей его части, так, чтобы стало больше граждан-магистратов, чем граждан – просто частных лиц». ⁵⁵ Напротив, аристократия, представляет правление, которое находится «в руках малого числа, так чтобы было больше простых граждан, чем магистратов». ⁵⁶ В монархии суверен концентрирует «все правление в руках единственного магистрата, от которого получают свою власть все остальные». ⁵⁷ Все формы правления имеют единый источник власти – суверена, и различаются лишь количеством властвующих.

Определения форм правления внешне ценностно нейтральны, подчеркнута объективность, что, впрочем, не должно вводить нас в заблуждение относительно их поистине революционного характера. Руссо отмечает все политические теории, объясняющие происхождение монархической власти «милостью божьей», или выводящие аристократическую власть из особого благородства ее носителей. Все формы правления существуют

⁵⁵ Руссо Ж.-Ж. Цит. Соч., с. 198

⁵⁶ Там же.

«милостью народа», их легитимность проистекает из народного волеизъявления, из явного или молчаливого согласия народа на их существование. Любую форму исполнительной власти народ «может ограничивать, видоизменять и отбирать когда ему будет угодно...»

3.6. Концепция демократии Руссо.

В истории политической мысли установилось мнение о Руссо как противнике представительной демократии (что верно) и стороннике демократии непосредственной (что, на наш взгляд, ошибочно). Если внимательно прочитать главу 4 третьей книги «Общественного договора», то станет ясно, что непосредственная демократия оценивается Руссо негативно.

Во-первых, непосредственная демократия плоха с точки зрения принципов политического организма, т.к. здесь законодательная власть соединена с исполнительной. То, что К. Маркса (а за ним и Ленина) восхищало в Парижской коммуне, с точки зрения Руссо никуда не годится. Законодательная власть должна сосредоточивать «свое внимание на общих целях», а исполнительная – «обращать его на предметы частные». Соединение этих двух задач в одном субъекте может при-

⁵⁷ Там же.

вести только к «влиянию частных интересов на общественные дела». В результате законодательная власть будет смешивать общее с частным, а исполнительная власть лишится контроля со стороны законодательной.

Во-вторых, если непосредственную демократию понимать буквально, т.е. как правление всего народа, то тогда эта форма правления либо утопия, либо некоторое исключение из общей природы политической организации общества, возникшее благодаря столь же исключительному стечению благоприятных обстоятельств.

В буквальном смысле этого слова «никогда не существовала подлинная демократия, и никогда такой не будет». Руссо этот тезис обосновывает тем, что «естественному порядку вещей» противно, «чтобы большое число управляло, а малое было управляемым», т.к. нельзя представить себе, «чтобы народ все свое время проводил в собраниях, занимаясь общественными делами».⁵⁸

К числу исключительных условий, при наличии которых возможна такая форма правления, Руссо относит известные предшествующей политической мысли ограничения: - малые размеры государства, позволяю-

щие собирать народ; - простота народных нравов, из-бавляющая от возникновения трудноразрешимых дел и споров; - «превеликое равенство в общественном и имущественном положении, без чего не смогло бы надолго сохраниться равенство в правах и обладании властью»; - отсутствие роскоши, которая развращает общественные нравы.⁵⁹ К этим соображениям он добавляет еще одно - такая народная свобода была возможна благодаря существованию рабства: «Бывают такие бедственные положения, когда можно сохранить свою свободу только за счет свободы другого человека и когда гражданин может быть совершенно свободен лишь тогда, когда раб будет до последней степени рабом».⁶⁰ Являясь принципиальным противником рабства, Руссо не может быть сторонником основанной на нем демократии.

Таким образом, Руссо никак нельзя считать приверженцем непосредственной демократии. Но он не менее резко критиковал и представительную демократию, чем отличался от Монтескье, к которому в целом как политическому мыслителю относился с величайшим уважением и многие положения политической теории

⁵⁸ Руссо Ж.-Ж. Цит. Соч., с. 200.

⁵⁹ Там же.

которого он разделял. Руссо, о чем мы уже писали выше, подвергал резкой критике сам *принцип представительства народной воли*, а также и практику английской представительной демократии, о которой столь положительно отзывался Монтескье.⁶¹

Руссо является сторонником демократии, но не непосредственной и не представительной, а третьей формы, в которой по его словам «можно соединить внешнее могущество многочисленного народа с легко осуществляемым управлением и добрым порядком малого Государства».⁶² Разработка этой модели демократии представлена в четвертой книге «Общественного договора» и опирается на политическую практику римской республики (разумеется, в том виде, как ее понимал сам «гражданин Женевы»).

Наиболее существенные компоненты этой модели демократии, которой Руссо отдает свое предпочтение, могут быть представлены следующим образом. Во-первых, это разделение народа по трибам, куриям и центуриям. Это деление позволяло соединять в разных сочетаниях богатых и бедных, знать и простолюдинов, жителей города и деревни, свободных и вольноотпу-

⁶⁰ Руссо Ж.-Ж. Цит. Соч., с. 223.

⁶¹ См. главу XV третьей книги «Общественного договора».

щенников, а также представителей различных этнических групп римского народа. У истоков такое разделение народа основывалось на территориальном единстве, соответствующей группы граждан. Во-вторых, в каждой из групп римского народа проводились собрания – Комиции (по куриям, центуриям и трибам). Руссо так оценивает эти собрания: «Ни один закон не принимался, ни один магистрат не избирался иначе, чем в Комициях; и так как не было ни одного гражданина, который не был бы записан в одну из курий, одну из центурий, или в одну из триб, то отсюда следует, что ни один гражданин не был лишен права голоса, и что народ римский был по-настоящему сувереном и юридически, и фактически».⁶³ Вначале голосование проводилось в одной из комиций, выбираемой по жребию, а затем в других комициях принятое решение подлежало утверждению (и обычно одобрялось). Такой порядок принятия решений позволял устанавливать законы, в которых в достаточной мере учитывались интересы различных групп римского народа. В-третьих, в комициях осуществлялось периодическое назначение (по выбору или по жребию) магистратов, которые были подотчетны коми-

⁶² Руссо Ж.-Ж. Цит. Соч., с. 223.

⁶³ Руссо Ж.-Ж. Цит. Соч., с. 238.

циям и защищали в исполнительной власти интересы соответствующих групп римского народа. Из органов государственной власти, избираемых в комициях, Руссо особенно выделяет трибунов, как блюстителей законов и законодательной власти, и цензоров, как блюстителей общественных нравов.

Модель демократии, которую развивает Руссо, по его замыслу должна соединять достоинства непосредственного участия народа в отправлении законодательной власти с распределением властных полномочий между различными органами исполнительной власти, которые исключали бы ее узурпацию отдельными органами или должностными лицами. Если пользоваться современной терминологией, то Руссо следует признать сторонником не идентитарной демократии, а партиципативной демократии.

3.7. О различии «древних» и «новых», или уроки демократии, которые можно извлечь из истории политической мысли.

В предшествующих главах мы дали краткий очерк развития теории демократии от ее истоков у Аристотеля, подытожившего политический опыт античной демократии, до ее нового рождения в политической

философии Просвещения, когда учение о демократии стало вновь востребованным политической практикой. Попробуем извлечь некоторые выводы из этих очерков.

Принципы античной демократии описывают политическую практику малых политических организмов, в которых связи людей еще хранят тепло живого человеческого контакта, личного знакомства, общих ценностей, привязанностей, - всего того, что Аристотель обозначил очень емким словом «дружба». Легитимность политической власти у Аристотеля прямо проистекает из этой неформальной дополитической предпосылки, своеобразного магнита, который притягивает «политических животных» друг к другу, даруя им благо политического общения. Политическая философия Просвещения уже не может опираться на такого рода очевидности.

Просветителям человек представляется атомизированным индивидом, для которого общество уже не является изначально данной естественной средой обитания. Общественный образ жизни является результатом рационального выбора (добровольного или вынужденного – это другой вопрос) человека. Просвещение, осмысливая новую эпоху, исходит из того, что в обществе людей так много и их разделяют такие расстояния,

что столь близкая связь между ними, как «дружба», невозможна.

С другой стороны, «дружба» - отношение избирательное, соединяющее близких людей. И потому, не случайно, что античная демократия, строилась на принципе ограничения круга граждан, на исключении из политической жизни, всех, кто не отвечал критериям гражданства. А в конечном итоге античная демократия явно была этноцентричной, и включала в себя систему социального апартеида, четко фиксируя разнообразные категории людей, которые не имеют и никогда не будут иметь гражданских прав.

В политической философии Просвещения общество скрепляют узы общественного договора. Общественный договор означает создание политико-правовых связей между людьми. Все союзы людей, которые объединяют их узами общности происхождения, языка, культуры, религии выносятся за скобки как такие, которые находятся за пределами собственно политико-правовых отношений, образуя их среду, условие функционирования.

Монтескье эта среда представляется совокупностью тех существенных факторов, которые, сплавляясь с политико-правовыми отношениями, дают конкретные

формы правления, законодательства, политических институтов, существующих у разных народов. Объективный исторический и сравнительно-политологический анализ форм политической организации разных народов, и одних и тех же народов в разные эпохи, позволяет создать более универсальную политическую теорию, которая включает в себя также и учение об исторической эволюции политических институтов.

В рамках такого подхода Монтескье удалось извлечь демократию из исторического музея и привести достаточно веские доводы в пользу того, что эта форма правления вполне может быть использована в новую историческую эпоху – эпоху крупных государств, промышленности и торговли, мировых религий. Одного этого было бы достаточно, чтобы вписать имя Монтескье в историю демократической мысли.

Но заслуги Монтескье не исчерпываются исторической реабилитацией демократии. С большой проницательностью он уловил, что новая историческая эпоха требует представительной демократии – развития парламентаризма, разделения властей, создания эффективной системы их взаимных сдержек и противовесов, защиты прав и свобод граждан. Все это он выделил как существенные элементы новой демократии из доста-

точно сумбурной в те времена политической практики английской парламентской монархии. Он также увидел, что демократия сможет стать формой правления крупных государств, если возьмет на вооружение федеративное устройство. И поэтому совершенно не случайно, что творцы американской конституции основам политической теории учились у Монтескье.

Иная роль в развитии теории демократии принадлежит Руссо. Он, приняв за основу, что общественные и политические институты создаются людьми и для людей, попытался теоретически последовательно продумать все следствия этой исходной посылки. Таким образом, он развил теорию народного суверенитета, как источника любой формы государственного правления. Из этой теории следовало, что только демократия является формой правления, релевантной своему источнику. Все другие формы правления существуют только до тех пор, пока народ молчаливо терпит их существование. Теория Руссо обосновывала неотчуждаемое право народа на смену формы правления, она стала первой в Новое время теорией, санкционирующей революции.

Для Руссо общественный договор есть результат соглашения свободных и равноправных индивидов.

Свобода и равенство – это базовые принципы общественного устройства, неотчуждаемое достоинство человека. Разумеется, Руссо понимает, что свобода нищего недорого стоит. И потому, собственность он также относит к базовой характеристике человека.

Но собственность понимается у Руссо как определение человека, менее значимое, чем свобода и равенство. Ради интересов целого, ради политической свободы и равенства народа человек может и должен поступиться частью своей собственности. Политический суверен, частичкой которого становится человек, гарантируя ему личную свободу и правовое равенство, может «освободить» его от излишней собственности.

Руссо является родоначальником *эгалитарного течения* в теории современной демократии или *демократического республиканизма*. Следует заметить, что это направление в современной теории демократии переплетается и конкурирует с *либерально-демократическим* направлением, родоначальником которого является Дж. Локк.

К сожалению, объем данной работы не позволил нам рассмотреть специально особенности этой версии теории демократии. Мы только коснулись этой темы, сравнивая понимание Руссо прав и основных свобод

человека с концепцией Локка. Но поскольку при рассмотрении институтов современной демократии мы опираемся на теорию демократии, которая включает в себя принципы либерально-демократического направления, то кратко обрисовем их.

У Руссо созданию государства предшествует образование общины. Человек вступает в политический союз как член общины. У Локка (и следующей за ним либерально-демократической мысли) общественный договор заключает индивид, находящийся в «естественном состоянии». Поэтому у Руссо государство должно учитывать интересы не только человека, но и общества (народа), а у Локка оно должно считаться только с интересами индивида.

Индивид, в отличие от народа, может в союзе с другими индивидами создавать различные власти или правительства, которые будут служить защите его разнообразных интересов. Как отмечает Д. Дж. Элейзер особенность англо-американской политической теории заключается в том, здесь политически полномочный народ понимаемый как совокупность индивидов, «заключает договор о формировании политического сообщества (*body politic*) или государства (*commonwealth*) и посредством этого или дополнительного договора уч-

реждает всевозможные правительства и передаст им столько власти, сколько считает нужным». ⁶⁴ В результате этого возникает необходимость разграничить и согласовать полномочия правительств, их взаимоотношения организуются на основе принципов и соответствующей практики межправительственных отношений.

Эта версия теории демократии отдает приоритет не проблемам народного суверенитета, а проблемам народного представительства.

⁶⁴ Элейзер Д. Дж. Сравнительный федерализм /Ж. Полис, - М., 1995, №5

Глава 4.

Национальное государство и демократия.

4.1. Народный суверенитет, национальное государство и «право наций на самоопределение».

Доктрина народного суверенитета как единственного источника легитимности государственной власти, которую первым последовательно обосновал и развил Руссо, после Американской и Французской революций становится господствующим принципом в политической практике, приводящим к образованию национальных государств или наций-государств. Концепт «национальное государство» вводит в политическую практику и теорию два взаимосвязанных понятия – понятие «территориальное государство» и понятие «нация», которые в англоязычной и франкоязычной политической теории и лексике употребляются синонимично.

В рамках демократически-республиканской (Руссо и якобинцы) и либерально-республиканской традиций (Локк, Милль и либералы) нация понимается как государственный народ, т.е. народ, обладающий государством. Или, по определению Я. Эгберта: «Государственный народ являет собой правовое сообщество, а нация — политическое сообщество по волеизъявлению,

принадлежность к которому не зависит от социального, конфессионального или этнического происхождения. Согласно исходной либерально-республиканской идее, порожденной Французской революцией, государственный народ как общность всех граждан и нация идентичны». ¹ В ходе буржуазных революций происходит самоконституирование новой, исторически беспрецедентной политики – национального территориального государства, в котором рождается новая общность людей, которую нарекают старым словом «нация», придавая ему, как это часто бывает в истории, новое значение.

Старое значение *natio* (от лат. – род, племя) означало группу людей, объединенных общим географическим местом происхождения или кровнородственными связями. При этом «нация» было словом-маркером, позволявшим отличить «чужих» от «своих», зачастую к тому же окрашенным пейоративным оттенком. На протяжении средневековья слово «нация» стало дополняться значением «общности по интересам» («нации» купцов, студентов, дворян). ² При этом появлявшееся в слове «нация» некоторое политическое значение имело

¹ Эгберт Я. Государственное и этническое понимание нации: противоречия и сходство. /Ж. Полис, М., 2000 №1

смысл обозначения обладавшего политическими правами дворянства в отличие от *народа* (в смысле простого народа или простонародья). Так, венгерская «нация» состояла только из представителей аристократии, а в Польше «поляками» именовали только дворян, поскольку лишь они участвовали в управлении государством, заседая в сеймах. Очевидно, что сословное понимание «нации», существовавшее в рамках дворянской монархии или республики, не совпадает с современным политическим пониманием нации как единого сословия граждан государства.

В ходе буржуазных революций, как верно отмечает Я. Эгберт, первоначальное возникновение политической нации происходило двумя путями: «Первый из них, приведший к образованию нации — когда граждане сами объявляют себя нацией и преобразуют существующее в традиционных границах абсолютистское династическое государство в нацию-государство — был проделан Францией. В свою очередь, США дают пример возникновения нации-государства в процессе самоосвобождения подданных и превращения их в граж-

² Об изменении значения слова «нация» см.: Касьянов Теорії нації та націоналізму. — К., Либідь, 1999, с. 31-38; Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1870 года. — Спб., Алетейя, 1998, с.25-31.

дан».³ В первом случае наличная территория государства подпадает под юрисдикцию политической власти народа-суверена, сбросившего династическую власть королевской короны. Во втором случае подданные короны отделяются от нее вместе с территорией своего проживания, над которой они устанавливают свою суверенную власть. Коронные земли становятся собственностью народа, территорией, принадлежащей национальному государству.

Вслед за политическим конституированием нации идет процесс формирования ее «тела»⁴ - экономических, социальных и культурных органов, необходимых для полноценного функционирования политического организма. Вернее сказать, процесс формирования «тела» нации начинается до ее политического конституирования, а после него он получает дополнительный импульс, устанавливая контроль над природными и че-

³ Эгберт Я. Государственное и этническое понимание нации: противоречия и сходство. /Ж. Полис, М., 2000 №1

⁴ Процессы образования «тела» нации являются предметом изучения социологии, культурной антропологии и других научных дисциплин. В рамках этого изучения созданы несколько теорий нации, с обзором которых можно познакомиться по упоминавшейся выше содержательной книге Г. Касьянова. С нашей точки зрения, примордиалистские теории наций некритически воспроизводят неисторический ретроспективно-утопический образ нации, существующий в сознании националистов, и поэтому имеют малую научную ценность. Более убедительны «модернистские» теории наций. Специальное обсуждение «тела» нации не входит в нашу задачу, т.к. мы рассматриваем политическую конституцию, «скелет» нации.

ловеческими ресурсами перешедшей под его юрисдикцию территории, устанавливая политические и административные институты, правовое регулирование процессов, создавая единое культурное пространство коммуникации, накопления и трансляции исторического опыта (национальный язык, историю, символы).⁵

Возникновение политической нации стало мощным стимулом для развития этносов.⁶ Этносы как неполитическая общность людей стремительно политизируются, в середине XIX века в Европе возникают (1) (этно)национальные движения, которые затем несколь-

⁵ Достаточно убедительный анализ создания национальной культуры как символического пространства, в котором располагается «воображаемое сообщество» - нация дан в книге Б. Андерсона (См.: Андерсон Б. Уявлені спільноти. Міркування щодо походження й поширення націоналізму. – К., Критика, 2001.) О формировании национальных (литературных) языков см.: Хобсбаум Э. Нации и национализм после 187 г. – Спб., Алетейя, 1998, с. 76-101. Ключевые тезисы, который доказывает в этом разделе своей книги автор таковы: (1) «... До введения всеобщего начального образования никакого разговорного «национального» языка не было и быть не могло...» (2) «Новые языки появляются вместе с новыми государствами, а не наоборот». (Указ. Соч., с. 83, 101).

⁶ В культурной антропологии и этнографии существуют различные подходы к пониманию природы этничности, одни из которых тяготеют к субстанциональным, а другие к инструментальным определениям этого феномена. Поскольку анализ этой проблемы выходит за пределы нашей темы, и поскольку и субстанциональный и инструментальный подходы не включают в число обязательных признаков этноса наличие у него политической организации, то мы в качестве его рабочего определения возьмем то, которое предложил академик Ю.В. Бромлей: «...Этнос [...] может быть определен как исторически сложившаяся на данной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также осознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самоназванием), фиксированном в самоназвании (этнониме)». (Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – М., 1983, с. 58)

кими волнами расходятся по всему миру,⁷ (2) национализм, а позднее и (3) «право наций на самоопределение».

Под национализмом мы понимаем такой политический принцип, который предпринимает попытку обоснования создания национального государства из перспективы этнического понимания нации как общности людей, связанных происхождением, исторической судьбой и культурой, т.е. пытается из этнической общности создать политическую. И при этом исповедует второй принцип, удачно сформулированный Э. Геллнером: «политическая и национальная единицы должны совпадать».⁸

Начиная с 1830 г. европейскую политику сотрясает выдвинутый Дж. Мадзини «принцип национальности» - «Каждой нации – государство». Кажущаяся простота и справедливость такого принципа наталкивалась на целый ряд проблем: (1) как и кто будет определять, что перед нами находится именно нация, которая заслуживает своего государства; (2) как быть в том слу-

⁷ Предпоследняя широкая волна националистических или национально-освободительных движений приходится на 60-70-е годы XX века, когда происходило крушение мировой колониальной системы, а последняя по времени (конец XX – начало XXI века) приходится на период развала социалистического лагеря.

⁸ Гелнер Е. Нації та націоналізм; Націоналізм. – К., Таксон, 2003, с. 29.

чае, если «границы государства не охватывают всех представителей определенной нации; или могут включать не только их всех, но и чужаков; возможен и смешанный вариант: когда и все соплеменники не охвачены, и к ним присоединяются представители другой нации»;⁹ (3) наконец, как быть, если представители одной нации (напр., англичане, немцы, корейцы) создали несколько государств или являются существенной составной частью (напр., испанцы, португальцы, французы, китайцы, русские) нескольких государств? Какого либо ясного ответа на эти вопросы принцип национальности не содержал.¹⁰ Примечательно то, что на политическую карту будущей Европы наций, которую Мадзини составил в 1857 г., он нанес всего 12 довольно крупных государств.¹¹ Но уже к началу XX века на политической карте Европы насчитывалось более 20 государств.¹²

Когда теоретический принцип и политическая реальность столь расходятся, то чаще всего идут по

⁹ Гелнер Е. Нації та націоналізм; Націоналізм. – К., Таксон, 2003, с. 29.

¹⁰ Еще более взрывоопасный характер формула Мадзини приобрела, когда австрийский марксист К. Реннер в книге «Государство и нация» (1890) к ее первой части «Каждой нации – государство» добавил вторую: «Не более одного государства для каждой нации». Буквальное исполнение этой формулы способно привести к такой перекройке политической карты мира, по сравнению с которой «великое переселение народов» покажется просто легкой прогулкой.

¹¹ Хобсбаум Э. Век Империи. 1875-1914. – Ростов н/Д, Феникс, 1999, с. 212.

пути теоретического оппортунизма. На практике во второй половине XIX века использование «принципа национальности» Мадзини обставлялось требованием к возможному претенденту на обладание собственным государством соответствия трем критериям:¹³ (1) «историческая связь народа с современным или с государством, имевшим довольно продолжительное и недавнее существование в прошлом», т.е. для того чтобы получить государство требовалось уже обладать опытом государственной жизни; (2) «существование давно и прочно утвердившейся культурной элиты, обладающей письменным национальным языком – литературным и административным»; (3) «уже доказанная на практике способность к завоеваниям». Фактически эти критерии санкционировали политику свершившихся фактов, когда нация, уже обладавшая опытом государственной жизни в составе другого государства, создавала новое государство путем захвата соседних территорий, населенных соплеменниками, в котором она занимала политически господствующие позиции. То обстоятельство, что вновь созданное государство скорее всего не будет

¹² На 1999 г. на политической карте Европы насчитывалось 48 государств и в недалеком будущем нельзя исключать появления новых.

¹³ См.: Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1870 года. – Спб., Алетейя, 1998, с. 61-62.

этнически однородным, а способ его создания (захват территорий) скорее всего спровоцирует на подобные действия другие этносы, никого не смущало.

Но и с этими оппортунистическими приспособлениями «принципа национальности» к требованиям «реальной политики» он серьезно расходился с политической практикой. Как отмечает Я. Эгберт,¹⁴ в XIX-XX столетиях «только три европейских государства образовались в результате объединения»,¹⁵ а «подавляющее большинство европейских наций-государств (29) обязаны своим появлением сепаратистскому национализму».

После Первой мировой войны политическая карта Европы вновь претерпела существенную перекройку. В результате крушения Германской, Австро-Венгерской, Османской и Российской империй на ней появились новые государства. Одновременно появился и новый политический принцип, который должен был легитимизировать политическую практику создания суверенных национальных (неимперских) государств. Таким принципом стал принцип «права наций на самоопределение», почти одновременно выдвинутый американским

¹⁴ Эгберт Я. Государственное и этническое понимание нации: противоречия и сходство. *ЛЖ. Полис*, М., 2000 №1.

президентом В. Вильсоном и В. Лениным.¹⁶ И снова возникли проблемы с применением принципа.¹⁷ Вильсон полагал, что в Европе должно быть 26 независимых государств,¹⁸ и, подобно Мадзини, тоже не угадал.

Актуальность разработки политического принципа, на базе которого можно было создать правовые нормы и институциональные рамки для набравшего размах движения трансформации (этно)национальных сообществ в национальные государства не вызывала сомнений. В XX столетии практика этнонационализма, наряду с существовавшей и раньше дискриминацией и угнетением групп людей по расовому, этническому и культурному признакам, пополнилась использованием практик апартеида, этнических чисток, принудительных переселений и геноцида.

¹⁵ Имеются в виду Швейцария (из 22 кантональных государств в 1848 г.), Италия (из 8 государств и частей государств в 1859 — 1866 гг.) и Германия (из 36 тогдашних членов Северо-Германского Союза в 1871 г.).

¹⁶ Подробнее о различиях и сходстве понимания принципа «права наций на самоопределение» у Вильсона и Ленина см.: Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. — Спб., Университетская книга, 2001, с. 150-155.

¹⁷ Не для Ленина, поскольку для него это был главным образом тактический прием, «подкачки» пролетарской революции энергией освободительного антиколониального движения во внешней политике, и во внутренней политике - временного существования под бдительным надзором коммунистической партии этнофедерализма в социалистическом государстве, движущемся в направлении создания интернациональной общности людей.

¹⁸ Хобсбаум Э. Век Империи. 1875-1914. — Ростов н/Д, Феникс, 1999, с. 212.

Тем более вялым и бесплодным на этом фоне выглядит использование в политике «права наций на самоопределение». За почти девяносто лет своего существования этот принцип всего лишь вошел в водные статьи двух пактов ООН – Пакта о гражданских правах и Пакта о социальных правах 1966 г. При этом некоторое разъяснение содержания этого права на самоопределение получило в принятой Генассамблеей ООН в 1970 г. Декларации о дружественных отношениях, в которой говорится, что при решении вопроса о политическом статусе речь может идти о создании суверенного и независимого государства, соединении с другим независимым государством или предоставлении иного политического статуса.

Анализируя содержание этих международно-правовых документов, содержащих разъяснение принципа «права наций на самоопределение», немецкий ученый Г. Бруннер приходит к выводу: «Формулировки важнейших документов ООН в конечном счете составляют запутанную конструкцию правил, исключений и исключений из исключений. Международное право так-

же не вносит большей ясности, поскольку пропитано политическим оппортунизмом и лживостью».¹⁹

Думается, что причины запутанности и невнятности «права наций на самоопределение» заключаются не только в политическом оппортунизме и лживости. Нам кажется, что данный принцип, если его толковать как принцип трансформации этнии в политику, как общее право этноса на создание своего отдельного государства **не может быть реализован. Создание национального государства как государства моноэтнического – утопия.**

На 1999 год в мире насчитывалось 199 государств, сейчас их число составляет 215. Всего же мире насчитывается более 3000 этносов. Если мы допустим, что эти 215 государств удовлетворили (более или менее сносно) потребности в собственной государственности, ну допустим, 300 этносов, то и в этом случае 9/10 этносов остаются неудовлетворенными. Если же учесть запутанность историй развития этносов, общую с другими этносами территорию проживания, современные процессы миграций, то такие стремления этносов к созданию собственной государственности и не могут быть

¹⁹ Бруннер Г. Национальное государство и право на самоопределение: никакой связи? – В кн.: Этнос и политика. Хрестоматия. – М., УРАО, 2000, с. 166.

удовлетворены без грубого попрания потребностей и интересов других этносов. С другой стороны, известно, что 90% уже существующих национальных государств являются полиэтническими по своему составу. Если образование этносом собственной политики – это правило, то почему на практике оно реализуется лишь в виде исключения?

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод: **трактовать современную политическую нацию демократического государства как этническую, или предоставляющую привилегии какому-либо этносу – это глупость, граничащая с преступлением.**

«Право наций на самоопределение» может существовать как принцип, санкционирующий рождение в ходе демократической процедуры свободного волеизъявления новой политической нации, которая либо подводит черту под своим прошлым недемократическим существованием, либо осуществляет таким образом сецессию от недемократического государства.

«Право наций на самоопределение» опирается на принцип *народного суверенитета*, как источник всей государственной власти, непосредственным воплощением которого является *законодательная власть*. Но в сфере межгосударственных отношений

государство выступает как деятельный субъект, непосредственным органом которого является исполнительная власть. Признание статуса *исполнительной власти* как полноправного субъекта межгосударственных отношений является признанием ее *суверенности*. Таким образом, в международном праве возникает и функционирует принцип *государственного суверенитета*.

Исполнительная власть, которая с точки зрения демократического конституционного права является производной от народного суверенитета и подконтрольной ему, в сфере межгосударственных отношений обретает статус практически равный народному суверенитету и относительную самостоятельность. Исходя из этих обстоятельств, понятие «национальное государство» в английской политической мысли получает такое определение: это государство, «имеющие отдельный и от правителей, и от управляемых политический аппарат с верховной юрисдикцией на очерченной границами территории, поддерживаемый требованием на монополию принудительной власти и пользующийся минимальным уровнем лояльности со стороны своих

граждан».²⁰ Не секрет, что именно соображения сохранения государственного суверенитета и территориальной целостности являются главным препятствием для реализации «права наций на самоопределение». Равным образом как именно действия исполнительной власти, которая руководствуется соображениями «простоты и оперативности» управленческой деятельности зачастую ведут к игнорированию интересов этнических сообществ, входящих в состав суверенного народа.

С нашей точки зрения, «право наций на самоопределение» является логическим развитием демократического принципа народного суверенитета. Но для того, чтобы оно начало становиться эффективным инструментом решения политических проблем требуется его содержательная политико-правовая проработка и закрепление в нормах международного права не на

²⁰ Хелд Д. Введение редактора. – В кн.: Современная политическая теория. (Автор-составитель Д. Хэлд.) – М., Nota Bene, 2001, с.23. Для сравнения приведем определение государства в немецкой политико-правовой мысли: «В немецкой традиции «государство» - это юридический термин, который относится одновременно к Staatsgewalt, исполнительной ветви власти, гарантирующей внутренний и внешний суверенитет, к Staatsgebiet, четко определенной территории, и к Staatsvolk, совокупности граждан. Последняя выступает в качестве символического носителя законного порядка, составляющего юрисдикцию государства в границах его территории. С социологической точки зрения, можно добавить, что институциональную сердцевину современного государства образует юридически оформленный и высокодифференцированный административный аппарат, который имеет монополию на легитимные средства насилия...» (Хабермас Ю. Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства. – В кн.: Нации и национализм. – М., Праксис, 2002, с. 364.)

уровне декларативного провозглашения, а в детально разработанном международном пакте. Этот пакт должен включать определение содержания права на самоопределение, процедуры его реализации, ответственности, связанной с реализацией этого права, а также меры воздействия по отношению к тем, кто чинит препятствия в его реализации. Руководящим принципами при создании такого пакта о праве на самоопределение, как нам представляется, должны быть: - понимание самоопределяющегося народа не как этнической, а как политической общности граждан демократического государства; - признание права на отделение в случае проведения государством, от которого стремятся отделиться граждане, этнократической политики; - признание верховенства принципа самоопределения народа над принципом государственного суверенитета и территориальной целостности.

4.2. Федерализм и конституционная архитектура многосоставных государств.

Применение принципа самоопределения нация для исправления конституционного устройства многосоставного государства является, без сомнения, хирургическим лечением, которого без крайней необходимости

сти не следует применять, используя щадящую терапию. Политическое устройство больших сложных по своему составу современных государств использует то средство, которое рекомендовал еще Монтескье – федеративное устройство.

Всего в мире (по состоянию на 1999 г.) насчитывается 24 государства с федеративным устройством и 36 унитарных государств с чертами децентрализации (в их число входит и Украина).²¹ Это означает, что 31% государств в своем государственном устройстве более или менее далеко отходят от унитаризма. Среди 24 федеративных государств 3 имеют население менее 1 млн. чел., 5 государств имеют население от 1 до 10 млн. чел., еще 7 от 10 до 30 млн. чел. и у 9 государств население насчитывает более 50 млн. чел. Среди главных факторов, повлиявших на установление федеративного устройства современных государств, английские политологи – авторы энциклопедического справочника «Политические системы мира» выделяют такие комбинации факторов: - географические и культурные – 6 стран; - исторические, культурные, географические – 5 стран; - исторические и культурные – 5 стран; - гео-

графические и культурные – 3 страны; - исторические, этнические и культурные – 2 страны; - исторические – 3 страны; - культурные и языковые – 2. Наиболее часто на федеративное устройство страны оказывают влияние культурные (23 случая), географические (18 случаев) и исторические (15 случаев) факторы. Несомненно, что Украина также обладает совокупностью исторических (обусловленных различными историческими судьбами ее земель и разной историей их вхождения в состав нынешнего государства), географических (большая территория) и культурных (разнообразие культурных влияний, которые испытали разные регионы, отличие обычаев, уклада жизни, этнического состава населения) факторов, которые побуждают обсуждать вопросы возможного федеративного обустройства ее государственности.

При обсуждении проблемы унитарного / федеративного устройства государства важным является правильное понимание природы федерализма. Обычно федерацию рассматривают как некое промежуточное состояние между унитарным (предположительно суверенным и централизованным) и конфедеративным го-

²¹ Подсчитано автором по данным книги: Дербишайр Д. Денис, Дербишайр Ян. Политические системы мира: В 2 т. Том 1. – М., Рипол Классик, 2004, с.

сударством - рыхлым, несuverенным, временным союзом государств. В итоге федерация рассматривается как некое промежуточное состояние между этими полюсами: ни централизованное, ни децентрализованное, ни рыба, ни мясо. Ведущий английский специалист по проблемам федерализма П. Кинг совершенно верно замечает, что рассмотрение федерализма / унитаризма по матрице «децентрализация / централизация» государственной власти является ошибочным и контрпродуктивным. К тому же оно рождает опасения, что введение федеративного устройства государства может привести к его дезинтеграции.

Контрпродуктивность матрицы «централизация / децентрализация» заключается в том, что она вводит неопределенные количественные критерии в оценку унитарности и федеративности, игнорируя то обстоятельство, что, во-первых, любое унитарное государство характеризуется определенной степенью децентрализации при принятии решений, а, во-вторых, то, что и унитарное и федеративное государство суть разновидности суверенного государства.

Федеративное государство П. Кинг определяет следующим образом: «...федерацию удобно опреде-

19-23, табл. 6 и 7.

лить как конституционную систему, которая является собой пример разделения [полномочий] между центральным и региональными правительствами и в которой регионам даровано особое, или укрепленное [entrenched], представительство в процедурах принятия решений на центральном уровне».²²

В федеративном государстве у центрального правительства должно быть, как минимум, два партнера в лице региональных правительств. Потому что при наличии всего лишь одного регионального правительства, которое оппонирует (как, к примеру, у нас Крым) центральному, отношения становятся чрезмерно асимметричными, и у центрального правительства всегда будут иметься рычаги навязывания своей воли (что мы неоднократно и наблюдали).

При выработке окончательных решений, федерация принимает в расчет не только интересы индивидуальных граждан, но и интересы ее территориальных областей, которые должны обладать представительством в процедуре принятия таких решений. Способы обеспечения такого представительства могут быть разные: либо учреждение отдельной региональной палаты в двухпалатном законодательном органе; либо путем

²² Кинг П. Классифицирование федераций //Ж. Полис, 2000, №5

закрепления за каждым регионом равного (или пропорционального численности избирателей в регионе) числа дополнительных мест в однопалатном законодательном органе; либо посредством установления правила, согласно которому для внесения поправок в конституцию требуется четко выраженное согласие всех или большинства регионов. Аналогичный результат можно, вероятно, получить и с помощью каких-то иных механизмов. Может быть с использованием механизмов общественной демократии.²³

Настоятельность федерализации государственного устройства Украины подтверждается не только историей украинской политической, в которой мы встречаем имена таких сторонников федерализации Украины, как М. Драгоманов, М. Грушевский, В. Чорновил, но и современными научными дискуссиями на эту тему.²⁴ Недостатком указанных научных дискуссий является то, что основания для федеративного устройства Украины их участники искали, исходя главным образом из необ-

²³ О механизмах общественной демократии как инструменте согласования интересов значительных сегментов общества см.: Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование. – М., Аспект пресс, 1997, гл. 2 и 7.

²⁴ Достаточно обстоятельный обзор публикаций по этой теме см. : Гайдук В., Кучеренко Т., Михальченко М. Україна в регіональному вимірі: проблеми і перспективи. – Донецьк, Донбас, 2002, с. 55-76. См. также: І. Незалежний

ходимости совершенствования экономической региональной политики, в меньшей степени – исходя из исторических, культурных факторов. А именно эти факторы, как показывает международный опыт федерализма, являются главными при выстраивании федеративного устройства государства. Еще одним недостатком этих дискуссий является то, что участия в них избегают политические лидеры, государственные деятели и депутаты парламента, пытаясь разрабатывать проекты законов в закрытом режиме, вне публичной дискуссии и руководствуясь главным образом текущим соотношением сил в парламенте.

Глава 5.

Конституционные реформы в Украине: институциональный анализ.

5.1. Институциональный анализ в условиях институциональной нестабильности.

Заниматься институциональным анализом конституционных реформ в условиях политической нестабильности, когда меняются базовые институты демократии – дело, по меньшей мере, неблагодарное. Когда по ходу политической игры ее правила меняются по требованию игроков – предсказать результат матча, используя методы институционального анализа, невозможно. Здесь скорее потребуются изучение поведения игроков, тренеров, судей и букмекеров, сделавших ставки на этот матч. Но так дело обстоит в том случае, если мы стремимся к предсказанию результата одной игры, которая проходит на данной площадке.

Институциональный анализ, который мы попытаемся провести в этой главе, ориентирован не на структуру наличного политического поля Украины, а на общую нормативную структуру демократии, в рамках которой будут рассматриваться изменения, вносимые в

Конституцию Украины и ее избирательное законодательство. Попробуем объяснить наш подход.

Между конституцией и демократией существует определенное противоречие. Демократия – это правление народа, осуществляемое либо прямо самим народом, либо его избранными представителями. Но конституция может ограничивать народный суверенитет, запрещая, например, народу избирать своим представителем на определенный государственный пост одно и то же лицо более чем два раза кряду. Или устанавливать ограничения на круг вопросов (напр., налоги или права и свободы человека), которые могут быть вынесены на народное голосование (референдум). Правда, такого рода конституционные ограничения народного волеизъявления, которые из ближайшей перспективы кажутся противоречащими демократии, в более отдаленной и общей перспективе могут быть средствами, обеспечивающими стабильность и долговременность демократического процесса.

Демократия предполагает принятие решений, отвечающих интересам большинства граждан. Соответственно конструкция высших органов государственной власти, утверждаемая конституцией страны, должна быть такой, чтобы принимаемые ими решения, отве-

чали интересам большинства. Вместе с тем, и в этой сфере между демократией и конституцией может возникнуть коллизии. Я.-Э. Лэйн отмечает: «Хотя представляется очевидным, что демократия исходит из правила простого большинства (simple majority rule) на основе принципа “один человек – один голос”, это правило вступает в противоречие с многочисленными конституционалистскими идеями относительно прав меньшинств, или групп, равно как и с требованиями разделения властей и создания системы сдержек и противовесов. А строгий судебный контроль дает неподотчетным электорату судьям возможность налагать вето на законы, принятые выборным законодательным органом».¹

Институциональный анализ взаимоотношений конституции и демократии может осуществляться из перспективы математической теории демократии, которая рассматривает демократию как метод принятия рациональных решений, отвечающих интересам большинства граждан или метод агрегации общественных предпочтений в рациональные общественные решения, за которые может проголосовать большинство граждан. Такой подход к институциональному анализу взаимоотно-

¹ Лэйн Я.-Э. Демократия и конституционализм /Ж. Полис, 1998 №6

ношений демократии и конституции осуществлен, например, в цитированной статье Я.-Э. Лейна. При использовании такого подхода исследователь опирается на результаты математической теории демократии, представленные в работах Кондорсе, Борда, Эрроу, Гиббарда, Саттертуэйта, МакКелви, Шоуфилда.²

Другая возможность институционального анализа взаимоотношений демократии и конституции может быть реализована путем исследования структуры и функций конституции, как документа регламентирующего формирование и функционирование высших органов государственной власти, и задающих определенный образ демократического сообщества. Результаты структурно-функционального анализа конституции затем соотносятся с общими принципами теории демократии, на основе чего формулируется оценка наличия соответствия/несоответствия в отношениях норм и принципов

² Подробнее см.: Маклин Э. Формы представительства и системы голосования. – В кн. Современная политическая теория. Автор-составитель Д. Хэлд – М., Nota Bene, 2001, с. 242-278. В своей предшествующей работе, посвященной проблемам теории демократии, мы использовали результаты математической теории при обсуждении некоторых проблем демократии. См.: Рагозин Н.П. Очерки современной демократии. Украинские проблемы в контексте международного опыта. – Донецк, Донбасс, 2003, с. 53-59.

конституции и норм и принципов демократии. Такой подход, реализован, например, в работе У. Пройсса.³

Оба метода институционального анализа конституции на предмет ее соответствия принципам и нормам демократии не исключают друг друга. Первый метод дает возможность дать наиболее общие оценки, второй дает более конкретные оценки конституции, поскольку отталкивается от ее структуры и функций. В своем исследовании конституционных реформ в Украине мы использовали оба метода институционального анализа,⁴ а для представления его результатов дадим определение ключевых понятий.

С точки зрения влияния конституции на протекающие демократические процессы можно различать *сильные и слабые конституции*. Всякое конституционное государство повышает стабильность протекания демократических процессов и принятия социальных решений. Для этого используется два основных механизма: создание так называемых иммунитетов, т.е. прав, не

³ Пройсс У. Модели конституционного развития и перемены в Восточной Европе. /Ж. Полис, М., 1996, №4

⁴ Часть результатов такого исследования конституционного устройства Украины в части его избирательной системы, партийной системы и проектов пересмотра распределения полномочия между высшими органами государственной власти представлены в нашей предшествующей работе – Рагозин Н. П. Очерки современной демократии. Украинские проблемы в контексте международного опыта. – Донецк, Донбасс, 2003, Очерки IV и V.

подлежащих пересмотру, и внесение инерции в процесс принятия решений. «Слабому конституционному государству, - по определению Лэйна, - свойственны относительно небольшой набор иммунитетов, не столь значительная конституционная инерция и мягкий судебный надзор. Подобное государство охраняет лишь классические негативные свободы, такие как свобода мысли, вероисповедания и объединения. Права частной собственности могут не входить в число защищаемых конституцией свобод и регулироваться при помощи обычного статутного права. В слабом конституционном государстве присутствуют и конституционная инерция (однако не в форме норм квалифицированного большинства), и судебный контроль за исполнительной властью – но без предоставления судам права объявлять недействительными законы».⁵

В свою очередь сильному конституционному государству свойственно широкое использование иммунитетов (квалифицированное большинство, судебный надзор, право вето) и значительная конституционная инерция.

Для оценки конституционных реформ мы также будем использовать категорию *функция конституции*.

⁵ Лэйн Я.-Э. Демократия и конституционализм /Ж. Полис, 1998 №6

Под функцией конституции мы будем понимать регулятивное воздействие норм и институтов конституции на функционирование институтов власти, а также на отношения институтов власти с институтами гражданского общества.

Что касается конкретного набора функций конституции, то мы воспользуемся тем перечнем, который использует У. Пройсс в своем анализе конституционного развития в Восточной Европе, в котором, однако отсутствует анализ конституции Украины. Пройсс выделяет *ограничительную, уполномочивающую, легитимирующую и интегративную функции, а также функцию дележа власти.*

Ограничительная функция конституции заключается в установлении пределов власти, защите общества от произвола властей. Ограничение власти также осуществляется путем указания ее полномочий. Уполномочивающая функция, указывая на круг прерогатив различных видов власти, показывает ее распределение между разными центрами принятия властных решений. Ограничительная функция в соединении с уполномочивающей дают функцию дележа власти. Легитимирующая функция указывает на источники власти. В современных демократических государствах в качестве высшего

источника полномочий государственной власти она указывает на принцип народного суверенитета. Интегративная функция конституции способствуют интеграции общества, указывая на цели, чаяния, ценности и основные убеждения, разделяемые его членами и спланивающие их. У. Пройсс отмечает: «Не все конституции выполняют одновременно функции ограничительную, уполномочивающую, функцию дележа власти, легитимирующую и интегративную функции. И не всегда эти функции мирно уживаются между собой».⁶

Анализируя специфику конституций восточноевропейских стран, У. Пройсс отмечает, что в них особенно сильно выделена интегративная функция, сообщающая конституции телеологический характер. Восточноевропейские конституции подробно описывают социальные институты и обязательства, которые на себя берет государство. Во многих из них детально характеризуются условия гражданства. Все эти обстоятельства указывают на слабость институтов гражданского общества, которые государство пытается компенсировать, беря на себя исполнение тех обязательств и функций, которые в развитых капиталистических обще-

⁶ Пройсс У. Модели конституционного развития и перемены в Восточной Европе. /Ж. Полис, М., 1996, №4

ствах исполняют институты гражданского общества. При этом возникает парадоксальная ситуация: государство, перекладывая на себя исполнение функций институтов гражданского общества, замедляет их формирование. Тем самым, наличие в конституции ярко выраженной интегративной функции может, с нашей точки зрения, рассматриваться как фактор, усиливающий инерционное воздействие конституции на демократический процесс. В этом смысле наличие у конституции интегративной функции может быть признаком сильного (в вышеописанном значении) конституционализма. Кроме того, интегративная функция конституции, указывая на социальные обязательства государства перед слабым обществом, является в краткосрочной перспективе средством легитимизации власти, при условии, что ее конкретные носители справляются с исполнением этой функции.

Наличие у конституции большого количества функций мы будем рассматривать как признак сильного конституционализма, при котором демократический процесс по необходимости протекает медленно, поскольку конституции создают рамки не только для функционирования собственно политических институтов демократии, но определяют направление создания

и укрепления институтов рыночной экономики и гражданского общества. Именно поэтому в этих условиях форсированные политические, экономические и социальные реформы, проводимые одновременно, дестабилизируют конституционный строй.

5.2. Оценка украинских конституционных реформ.

Определившись с методологией исследования и понятийным аппаратом, с помощью которого мы будем излагать результаты нашего анализа, перейдем к оценке конституционных реформ. При этом мы будем исходить из того положения, что пакет законов о конституционной реформе, принятых Верховной Радой в декабре минувшего года, это и есть конституционная реформа, по крайней мере, в ее наличном состоянии.

Изменение избирательного закона о выборах депутатов Верховной Рады.

Самые существенные изменения, внесенные этим законом, это: - введение пропорциональной избирательной системы голосования за списки кандидатов от политических партий и блоков политических партий; - запрет депутатам выходить из состава партийной фракции в парламенте; - формирование правительства

парламентским большинством; - снижение избирательного порога, дающего партиям право участвовать в распределении депутатских мандатов.

Эти изменения повышают роль партий в политической системе, поскольку они остаются единственными претендентами на депутатские мандаты. При этом в первую роль повышается значение лидеров партий, поскольку они будут формировать закрытые списки кандидатов партий, они получают такой веский аргумент поддержания партийной дисциплины, как включение в проходную часть списка партии нужных им членов и возможность лишения депутатского мандата, тех из членов партии, кто нарушат фракционную дисциплину. Лидеры партий также будут определять, кто из членов партийной фракции может войти в состав правительства, если у партии появится возможность формировать его самостоятельно или в коалиции с другими партиями. Кроме того, через лидеров партии будут проходить партийные финансы. Фактически закон о выборах косвенно предопределяет некоторые существенные черты политических партий, устанавливая своеобразные иммунитеты ее гарантирующие стабильность ее структуры.

Если иметь в виду, что и сейчас большинство современных украинских партий являются узкими группами, объединенными вокруг или созданными определенными бизнес-кланами, то можно предположить, что указанные институциональные изменения усилят корпоративный характер украинских политических партий.

Пропорциональная избирательная система в принципе способствует формированию многопартийной системы. В украинских условиях, в соединении с корпоративным характером политических партий, она приведет к раздробленной многопартийной системе. Этому же будет способствовать снижение избирательного порога, который необходимо преодолеть политическим партиям для участия в распределении депутатских мандатов.

Исходя из сказанного, представляется маловероятным появление в ближайшей и среднесрочной перспективе в парламенте партий, способных самостоятельно или в союзе с одним-двумя партнерами образовать парламентское большинство и сформировать правительство. Парламентское большинство будет многопартийным, коалиция партий, входящих в состав парламентского большинства, скорее всего будет ситуационной коалицией. Формируемые таким большинством

кабинеты будут неустойчивыми, а их политика – непоследовательной.

Установление достаточно крупного залога, который партии должны внести перед началом избирательной кампании, проведение выборов в больших общенациональных округах существенно удорожает участие партий в избирательном процессе. Это означает, что многие существующие политические партии выпадут из политического процесса в силу исключительно финансовых причин. Эти же причины затруднят путь на политическую арену политическим партиям, рождающимся из гражданской инициативы. Дистанция между партиями и интересами граждан едва ли сократится.

Конституционные изменения, предусмотренные Законом Украины «О внесении изменений в Конституцию Украины» (на базе проекта 4108).

Изменения в действующей Конституции Украины, внесенные данным законом, касаются главным образом перераспределения полномочий между парламентом, президентом и правительством. Функция дележа полномочий, присутствующая в конституции, проявилась в данном законе в полную меру.

Наиболее существенные изменения в распределении полномочий заключаются в том, что правительство формируется парламентским большинством, президент избирается парламентом, основные рычаги исполнительной власти переходят в руки премьер-министра, хотя у президента остается достаточно широкий круг полномочий, позволяющих ему влиять на исполнительную и законодательную власть.

Перечислим полномочия президента: - он является Верховным главнокомандующим; - ему подчинены министр обороны и министр иностранных дел; - он же предлагает кандидатуры на посты Главы Службы безопасности Украины, Главы Национального банка (с правом предложения о смещении), назначает и смещает Генерального прокурора, назначает и прекращает полномочия членов ЦИК, назначает половину состава Конституционного Суда; - он может выдвигать предложение о рассмотрении вопроса о доверии правительству; - может (в случаях предусмотренных Конституцией) досрочно прекращать полномочия Верховной Рады; - обладает правом законодательной инициативы и правом на первоочередное рассмотрение внесенных им законопроектов; - может приостанавливать действие актов правительства, отменять акты Совета Министров Авто-

номной Республики Крым; - обладает правом вето на законы, принятые Верховной Радой.

При этом позиции президента более стабильны, чем позиции премьер-министра, т.к. его избирают большинством в 2/3 конституционного состава Верховной Рады, а премьер-министра – простым большинством. Президент руководит единоличным органом власти, а премьер-министр – коллегиальным, и потому зависит от согласованности действий и отсутствия противоречий в подведомственной ему коллегии. Премьер-министр в парламенте утверждает конкретную программу деятельности своего правительства, невыполнение которой может повлечь постановку вопроса об отставке правительства. У президента такой программы нет, стало быть, нет и конкретных обязательств, невыполнение которых может стать поводом к отставке. Основания для возбуждения вопроса о начале процедуры импичмента президента носят столь общий характер, что доказать наличие состава преступления в действиях президента практически невозможно. Ограничение избрания на пост президента на не более чем на два срока кряду ликвидировано.

В результате принятого закона о конституционной реформе полномочия премьер-министра по срав-

нению с ныне действующей Конституцией расширились. По представлению премьер-министра назначают членов Кабинета Министров, Главу Антимонопольного комитета Украина, Главу Государственного комитета телевидения и радиовещания, Главу Фонда государственного имущества, руководимый им Кабинет Министров создает, реорганизовывает и ликвидирует министерства и другие центральные органы исполнительной власти, действуя в пределах средств, предусмотренных на содержание органов исполнительной власти; по представлению премьер-министра Кабинет Министров назначает руководителей органов исполнительной власти, которые не входят в состав Кабинета Министров, глав местных государственных администраций, прекращает полномочия этих лиц на должностях; назначает половину состава Совета Национального банка Украины.

Изменилось положение правительства в системе высших органов государственной власти. Оно перестало быть «службой двух господ», и теперь подконтрольно и подотчетно только парламенту. Это, безусловно, шаг в сторону парламентской республики. Отношения правительства и парламента становятся более логичными, у правительства появляется «политическое лицо» и

применительно к нему можно ставить вопрос о политической ответственности.

Но из этой логики перестройки формы правления из полупрезидентской в парламентскую республику выпадает фигура президента. Он избирается парламентом, как это свойственно парламентской республике, но наделяется широким кругом полномочий, как в республике смешанной. При этом его политическая ответственность носит чрезвычайно размытый характер. Похоже, что в таком виде фигура президента является лишним звеном в системе высших органов государственной власти.

Реформа укрепляет позиции парламента и его главы. И это хорошо. Плохо то, что реформа ослабляет позиции судебной власти. Во-первых, потому, что отменено пожизненное назначение судей, которое заменили 10 летним сроком их полномочий. Во-вторых, ослабление позиций судебной власти осуществлено за счет того, что судебную корпорацию лишили права назначать треть состава Конституционного суда. Теперь Конституционный суд назначается на паритетных началах президентом и парламентом. Поскольку уровень авторитета всенародно избранного парламента и избранного парламентом президента очевидно различны, то это

приведет к разной степени авторитетности судей Конституционного суда, которые будут ими назначены. Вероятно, в качестве компенсации за снижение авторитетности и уровня независимости Конституционного суда им разрешили, в отличие от других судей, занимать свои посты до достижения 70 лет. Сильная украинская действующая конституция за счет ослабления позиция судебной власти становится менее сильной.

Если же суммировать те институциональные изменения, которые вводятся рассматривавшимися нами законами, то их можно определить как нерешительный, непоследовательный шаг в сторону парламентской республики.